Симфония в миноре

Генри Стратманн

SHOUT
SHARE
IT

- Генри Стратманн
  - Симфония в миноре
  - ЭКСПОЗИЦИЯ
  - РАЗРАБОТКА
  - РЕПРИЗА

Генри Стратманн

Симфония в миноре

Симфония в миноре

Стоило ему выбраться из прохода, как фасад здания справа от него рухнул от взрыва. Роббинс, брошенный на землю ударной волной, с трудом поднялся, не понимая, что происходит.

Покинутый жителями город лежал в руинах. Почти все дома вокруг были полностью или частично разрушены. Некоторые пожирал огонь, и в холодное небо валил горький черный дым. Широкая улица, на которой он стоял, была изъедена воронками и усеяна обломками досок, битым стеклом, изуродованными трупами животных. Издалека слышались неразборчивые выкрики, визг, частые выстрелы, душераздирающий свист рассекавших воздух снарядов, за которым следовали громовые разрывы.

Внезапно из-за ближнего угла вылетела лошадь, тащившая за собой коляску, и устремилась прямиком на него. Кучер, нахлестывавший лошадь, и сидевшая рядом с ним женщина с серым лицом были явно не в себе от ужаса. Роббинс отскочил в сторону; коляска зацепила его за рукав.

Не успел он отдышаться, как из-за того же угла появился тучный краснолицый господин и бросился бежать. Роббинс едва успел схватить его за руку:

— Что происходит? Толстяк вытаращил глаза.

— Отстань, болван! — гаркнул он. — Они гонятся за мной! Они всех нас поубивают!

Прежде чем Роббинс успел спросить, о ком речь, беглец вырвался и пустился наутек. Роббинс кинулся было за ним, но тут воздух вспорол душераздирающий звук. Целый квартал впереди удирающего толстяка разом обрушился. Бедняга взлетел в воздух, безумно размахивая руками, перевернулся на лету и шлепнулся, разбив голову о мостовую…

И снова раздался топот. Памятуя последние слова убитого, Роббинс стал судорожно оглядываться в поисках убежища. Ближайшим укрытием оказалась только что развернувшаяся посреди улицы воронка. Она напоминала скорее лисью нору, однако он сумел в ней уместиться, растянувшись на животе и спрятав голову. Потом, не обращая внимания на грязь, облепившую его одежду, он выглянул.

Из-за рокового угла, откуда появились экипаж и несчастный толстяк, вывернули четверо всадников. В одинаковых черных папахах на головах, коричневых рубахах, распахнутых на груди, красных кушаках на поясе, черных шароварах, заправленных в высокие военные сапоги… Вооруженные длинными шашками. Все четверо с одинаково свирепыми бородатыми лицами.

Не обращая внимания на воронку с беглецом и на отдаленную канонаду, они не спеша затрусили по улице. Расстояние между ними и Роббинсом неуклонно сокращалось. Через каждые несколько метров они останавливались и пристально вглядывались в окружающие здания, как будто кого-то искали.

Роббинс поспешно спрятал голову. Сердце бешено колотилось. До проулка, из которого он выскочил, — оттуда лежал путь домой — было теперь слишком далеко. Если он попробует до него добежать, всадники обязательно заметят его и изрубят извлеченными из ножен шашками.

Если же он останется в воронке, то через несколько минут они окажутся буквально над ним.

В голове у него зазвучала русская танцевальная мелодия из балета Чайковского «Щелкунчик». Неужели перед ним казаки?

От растерянности и отчаяния Роббинс крепко зажмурился. В голове билась, как басовая тема в дьявольской пассакалье, одна и та же мысль: «Боже, что же здесь творится ?!»

ЭКСПОЗИЦИЯ

– Мы не вправе брать на себя роль Бога!

Г. Л. Роббинс, руководитель музыковедческого сектора, внимательно оглядел остальных членов гуманитарного комитета, сидевших вокруг стола, и облегченно перевел дух. Все, кроме Биллингсли, вроде бы одобрительно воспринявшего выпад Брентано, не собирались ее поддерживать.

Директор Института транскосмических исследований, председательствующая на заседании, хмуро посмотрела на Брентано.

– Благодарю вас за ваши замечания, доктор. Однако прежде чем мы приступим к дискуссии по поводу реализации предложений доктора Роббинса, необходимо решить, осуществимо ли оно в принципе. Именно для этого я пригласила на заседание уважаемых членов научного совета доктора Эверетт и доктора Харрисона.

Она кивнула, предоставляя слово пожилой особе справа от нее.

Кэтрин Эверетт кивнула ей в ответ.

– Я обрисовала свою позицию в докладе, адресованном комитету. — она оглядела присутствующих. — Полагаю, все ознакомились?..

Смущенный вид коллег свидетельствовал: мало кто из них имеет представление о содержании доклада доктора Эверетт. Сам Роббинс не представлял себе, что стоит за такими понятиями, как «замкнутая петля времени» и «квантовые временные линии». Что касается уравнений…

Директор института дипломатично предложила:

– Может быть, вы обобщите свои заключения о возможной опасности путешествий в прошлое?

– Нет-нет! — воскликнула Эверетт. — То, что мы делаем на Транскосмической Земле, никак не может отразиться на нас. Перенос туда может выглядеть как простое путешествие в прошлое, со всеми сопутствующими такому путешествию парадоксами и нарушениями в причинно-следственных связях, но на самом деле происходят гораздо более сложные процессы. Любое внесенное нами туда изменение просто-напросто заменит текущую историю ТКЗ на один из бесчисленного количества вариантов «теневых историй», превратив его в истинный факт. Наша же история останется незыблемой…

Далее последовал монолог о «квантово-временной прерывистости» и «ветвлении пространства», но Роббинс не

смыслил во всем этом ровным счетом ничего.

Впрочем, даже мало что понимая в подобных премудростях, он доверял познаниям доктора Эверетт. Она стояла у истоков теории «транскосмологии», открывшей возможность путешествий на Транскосмическую Землю. Судя по всему, Эверетт расходилась с другими физиками института по поводу того, что представляет собой ТКЗ — подлинное прошлое Земли, некий параллельный мир или что-то еще. В любом случае существовала возможность перенестись туда, в любую временную точку в пределах «временного окна» протяженностью примерно в четыреста лет, пробыть в этом «отрезке» сколь угодно долго и возвратиться на «свою» Землю по прошествии срока такой же продолжительности.

Никто из тех, с кем Роббинс беседовал на эту тему, не понимал, почему нельзя посетить прошлое раньше середины XVII века или позднее 1998 года. Ходили слухи, что запрет на последние шесть десятилетий объясняется нежеланием членов исполнительного комитета, ведающих делами института, допустить встречу сегодняшней молодежи кое с кем на ТКЗ, особенно с самими членами комитета во времена их молодости. Роббинс, в отличие от многих своих коллег, не находил в этих ограничениях препятствий для своей работы. Видимо, из уважения к его познаниям в западной музыке до XXI века, то есть «золотого периода», его и пригласили в Институт транскосмических исследований.

Институт был международной организацией, призванной использовать и применять транслокацию — перенос во времени. Цель состояла в том, чтобы «возвращаться назад во времени» на ТКЗ и собирать там информацию и «культурные артефакты», в том числе музыкальные, утраченные на настоящей Земле. Обладая монополией на эту технологию, институт нес также ответственность за то, чтобы транслокация не использовалась в неподобающих целях. Существовало правило, называвшееся «Первым законом контактов», которому все сотрудники института должны были следовать неукоснительно. Согласно закону, любой, поевший на ТКЗ, брал обязательство сводить к минимуму любые контакты с людьми и не делать ничего, что могло бы изменить «прошлое».

Именно это правило Роббинс предлагал сейчас нарушить, причем весьма существенно.

– Это и должно послужить ответом на ваш вопрос. — Доктор Эверетт величественно сложила руки на груди.

Директор выглядела такой же смущенной, как и все остальные.

– Следовательно, вы утверждаете, насколько я поняла, что мы

способны изменить прошлое на ТКЗ, не изменив нашего собственного прошлого?

Эверетт побагровела.

– Вот именно! Об этом я и твержу. Или вы меня не слушаете?

Роббинс трепетал перед ней не меньше, чем все прочие, хотя не переставал удивляться, каким образом эта маленькая старушка с безупречным узлом седых волос на затылке, годящаяся большинству из них в бабки, умудряется превращать их всех, в том числе признанных экспертов в своих областях, а также своих сверстников, в нашкодивших приготовишек, смиренно выслушивающих нагоняи от наставницы.

– Тогда попробую объяснить проще. Транскосмическая Земля двигалась по вектору линейного времени, так же, как и мы. Собственно, когда мы ничем друг от друга не отличались. Но после квантово-временного сдвига, приведшего к ответвлению существующей Вселенной от ГКЗ, реальная связь между нашим линейным временем и ТКЗ прервалась. ТКЗ перестала быть «прошлым вообще», превратившись в «одно из прошлых», которое мы можем менять, не опасаясь за единственное в своем роде прошлое или настоящее на нашей ветви Вселенной. Позволю себе грубое сравнение: точно так же новорожденный после перерезания пуповины живет отдельно от матери и продолжает существование, что бы с ней ни стряслось. Вот и наша Земля со своим линейным временем существует теперь отдельно от ТКЗ.

Реализация предложения доктора Роббинса станет доказательством ого, о чем я уже много лет твержу моим невосприимчивым коллегам и сполнительному комитету. Мы не изменим свою собственную исто-ию, которая существует в памяти человечества, и не прекратим сущес-вование, изменив ход истории на ТКЗ.

Директор учтиво кивнула.

– Благодарю вас, доктор Эверетт. — Она обернулась к седовласому |ужчине слева. — Прошу, доктор Харрисон.

Сесил Л. Харрисон был конкретен.

–Доктор Эртманн, физик из моей группы, обладающая наибольшим опытом практической работы на ТКЗ, предприняла серию ночных посещений квартиры интересующего нас объекта, начав с периода за два года до его смерти, для взятия анализов крови во сне. Через несколько часов после смерти объекта были взяты образцы тканей и жидкостей. Наш анализ подтвердил заключение лечащего врача о смерти пациента от болезни печени. Однако врач ошибочно заключил, что причиной болезни было злоупотребление алкоголем или сифилис. Применив современные медицинские тесты, не существовавшие в XIX веке,

мы с доктором Эртманн обнаружили, что больной страдал хроническим гепатитом; заражение вирусом гепатита В произошло не раньше, чем за пятнадцать месяцев до кончины.

Следовательно, достаточно сделать пациенту инъекцию соответствующего препарата примерно за месяц до заражения. Лекарство препятствует проникновению вирусной ДНК в клетки и дает почти стопроцентный эффект.

Харрисон кашлянул.

– Тем не менее не следует забывать, что к моменту смерти объект страдал и другими болезнями, поэтому, даже если мы спасем его от гепатита, он может скончаться по другой причине. По моим расчетам, он проживет дополнительно пять, от силы десять лет.

– Благодарю вас, доктор Харрисон, — молвила директор. — По словам наших гостей, технических препятствий к реализации предложения доктора Роббинса не существует. Теперь нам надлежит поразмыслить, следует ли это делать. Доктор Роббинс и доктор Брентано уже высказали свою точку зрения. Есть ли иные соображения?

Настал момент истины, подумал Роббинс. Брентано была ярой противницей проекта. Впрочем, сейчас было бы политически недальновидно выступать с ней заодно. Она вместе с возглавляемым ею сектором философии и теологии впала в немилость у исполнительного комитета, когда факты из их доклада, приоткрывшего завесу тайны над истинным содержанием событий в Лурде в 1858 году, просочились в печать. Институт осадили возмущенные толпы, а кто-то даже грозил подложить бомбу. Официальный протест французского правительства, испугавшегося за будущее своей туристической индустрии, тоже не способствовал репутации сектора.

Литгона и Шимуру надлежало причислять, скорее, к сторонникам. Если предложение Роббинса будет одобрено и эксперимент пройдет удачно, то он станет прецедентом, которым воспользуются ученые, чтобы продвинуть собственные проекты.

Только Биллингсли оставался, как всегда, человеком-загадкой.

– Мы с доктором Литтоном всецело за предложение доктора Роббинса, — высказался Шимура.

Директор кивнул Биллингсли. Самый молодой из участников заседания поправил галстук-бабочку, надел роговые очки и провел рукой по коротким блестящим волосам.

– У меня двойственное отношение к эксперименту. Если план Говарда сработает, я смогу предложить собственные проекты. Скажем, побывать на Второй Земле и посоветовать кое-кому не

садиться в самолет.

О ком это он, недоуменно подумал Роббинс.

– Но Тони, — Биллингсли кивнул в сторону Брентано, — сомневается, хватит ли нам ума, чтобы сообразить, что произойдет, если мы изменим прошлое Второй Земли. Вдруг мы все испортим? Опираясь на знакомую мне литературу, я вынужден согласиться с ней: нарушение первой директивы не слишком хорошая идея. Нам не следовало бы так рисковать: того и гляди, превратим тамошних жителей, а то и самих себя в каких-нибудь ящериц.

В *кого* ? Роббинса раздражало нарочитое, а по сути поверхностное увлечение Биллингсли «поп-культурой» прошлого столетия. Специалисты других гуманитарных секторов выискивали на ТКЗ истинные культурные ценности, тогда как сектор социологии, возглавляемый Биллингсли, тратил время на просмотр замшелых фильмов и запись радио– и телетрансляций, которым лучше было бы кануть в небытие. Биллингсли защищал «научную» ценность своих проектов, твердя: «Наилучший способ понять общество — это разобраться, что доставляет удовольствие живущим в нем людям, как они подходят к развлечениям». Роббинс подозвал, что подлинная причина терпимого отношения власть предержащих к этой деятельности заключается в том, что образчики развлечений», бытовавших до «электронной революции», пользовались огромной популярностью на Сетях; всякий раз, когда транслировалось что-то в этом роде, институт получал неплохие отчисления. Роббинс бесился, когда Биллингсли пользовался непонятными слотами. Он решил, что обязательно справится по Сетям, что такое Первая директива.

– Доктор Великовски, — сказала директор.

Роббинс напрягся. Голос Великовски из сектора истории мог стать решающим.

– Нам предстоит принять непростое решение, — заговорил тот. — Даже небольшая, но серьезная перемена в прошлом ТКЗ может привести к крупным и, возможно, негативным последствиям для ее истории. Однако я не уверен, что спасение конкретного «действующего лица» способно вызвать подобные последствия. Те дополнительные десять лет, о которых говорит доктор Харрисон, были относительно спокойными с политической точки зрения, но только на его родине, а не в остальной Европе. «Персонаж» занимал в политике революционные позиции, и трудно судить, как бы он мог повлиять на течение разнообразных европейских революций в 1830 и 1831 году. Если бы он дожил до 1848-го и даже 1849 года, когда происходили гораздо более серьезные события, ситуация

несомненно усугубилась бы. В последнем случае я заявил бы о своем отрицательном отношении к предложению доктора Роббинса.

Однако раз доктор Харрисон убежден, что «персонаж» уйдет из жизни не позднее 1830-х годов, то я склонен отнестись к предложению положительно.

– У кого иное мнение? — воззвала директор. Слово снова взяла Брентано.

– Хотела бы напомнить всем присутствующим, что принимаемое нами сегодня решение либо обогатит, как выразился доктор Роббинс, наш мир и ТКЗ, либо уничтожит их. Даже если надеяться на выигрыш, разве допустим подобный риск?

– Я с пониманием отношусь к тревогам доктора Брентано, о чем уже говорил, — ответил ей Роббинс, — но господа Эверетт и Великовски подчеркивают минимальность риска. В то же время выигрыш ТКЗ и наш будет колоссальным! Гений, в музыке или в любой иной области, — редчайшее явление. Личности, наделенные такими гигантскими творческими способностями и такой оригинальностью, одаривают человечество своим появлением на краткое мгновение, однако их труд остается в памяти человечества. Когда кто-то из них из-за прискорбной случайности преждевременно уходит из жизни — это трагедия: ведь он оставляет незаконченным свой труд — шедевры, которые мог бы завершить; чего-то он даже не успевает начать… В наших силах не дать совершиться одной из подобных трагедий. Убежден, что сделать это — наш долг.

– Есть еще желающие высказаться? Нет? Кто выступает в поддержку предложения доктора Роббинса?

– Поддерживаем! — хором крикнули Литтон и Шимура.

– Кто за предложение доктора Роббинса, поднимите руки.

Роббинс сам первым вскинул руку; за ним последовали Литтон и Шимура. После некоторого колебания к коллегам присоединился Великовски.

– Против?

Брентано и Биллингсли.

– Запишите в протокол: гуманитарный комитет проголосовал четырьмя голосами против двух в поддержку предложения доктора Роббинса.

В первый раз с начала заседания Роббинс облегченно перевел дух. Победа! Самая сложная часть эпопеи — одобрение проекта исполнительным, научным, а теперь гуманитарным комитетом — осталась позади. Остальное будет проще: отправиться на ТКЗ и сделать то, что следует. Роббинс с трудом сдерживал свой

восторг.

Скоро он отправится в Вену 1825 года и спасет жизнь Людвигу ван Бетховену.

– Поздравляю!

Роббинс вздохнул. Он знал, что этого не избежать. Антония напросилась к нему в гости. «Просто поговорить!» — уверяла она. Он-то знал, на какую тему будет разговор…

– Спасибо, — выдавил он.

– Когда отправляешься?

– Завтра утром.

– Видимо, не стоит пытаться тебя отговорить?

– Ничего не получится.

В неярком свете абажура волосы Антонии струились алмазным водопадом. Оба они были людьми уже не первой молодости, однако у нее, в отличие от Роббинса, почти не было седых прядей.

Он и Антония Брентано были среди первых сотрудников гуманитарного отделения института. Во многом очень разные люди, оба питали страсть к классической музыке. Знакомство переросло в дружбу; чуть позже оказалось, что музыкой их общность не исчерпывается: оба страдали от одиночества. Ни он, ни она никогда не состояли в браке и не имели близких.

Неудивительно, что они вступили в любовную связь — недолговечную, зато пылкую. Столь же естественным было скорое прекращение близких отношений. Они быстро уяснили, что слишком преданы своему делу, чтобы оставались время и силы друг для друга. В дальнейшем их отношения носили сердечный, дружеский характер. Но сейчас под угрозой находились и они.

Некоторое время они молча сидели рядом на кушетке, слушая музыку . Со «стенвея», занимавшего больше половины комнаты, на них хмуро взирал большой бюст Бетховена. На стенах висели портреты других любимых композиторов Роббинса. Иоганн Себастьян Бах, казалось, улыбался, приветствуя выбор Роббинса — его Концерт фа-диез минор для трех скрипок и струнного оркестра. Хозяин квартиры так увлекся сложным контрапунктом первой части, что не сразу услышал слова Антонии:

– Зачем, Говард? Для чего ты это делаешь?

– Я объяснил мотивы на заседании: хочу предоставить возможность гению, чья жизнь прервалась недопустимо рано, создать на благо человечества новые шедевры.

– Избавь меня от патетики! Если ты говоришь серьезно, то это — наихудшее проявление высокомерия, с каким мне только

доводилось сталкиваться. Ведь ты печешься первым делом о себе: ты мечтаешь сам искупаться в славе Бетховена, послужив инструментом для его воскрешения.

– Но я говорю искренне! Здесь нет ни капли эгоизма. Выражение лица Антонии лучше всяких слов свидетельствовало о ее отношении к его уверениям.

– Послушай, — начал он. — За последние четыре года мы с сотрудниками много раз посещали ТКЗ и обнаружили тысячи сочинений великих композиторов, утраченных по разным причинам в прошлые века. О некоторых мы знали по сохранившимся фрагментам или первым тактам главной темы в каталогах произведений, составленных самими композиторами или их современниками.

– Вроде каталога моцартовских сочинений Кёхеля?

– Вот именно. Зная, когда были написаны эти утраченные произведения, мы смогли точно определить время и получить их. Однако в ходе этих визитов нам попадались также многочисленные «новые» работы, о которых никто никогда не знал.

Звучала лирическая медленная часть концерта, лярго ля мажор.

– Сочинение Баха, которое мы сейчас слушаем, — одна из таких работ. На протяжении более трех веков она была забыта, но я побывал в Кётене 1722 года и снял копию с партитуры. Благодаря визитам на ТКЗ нам удалось удвоить количество сочинений Баха, которое имелось у института в момент его основания.

– Не понимаю, каким образом потерялось такое количество нот.

– Причин несколько. Крупные композиторы после Бетховена оставили потомству почти все ими написанное, если только сами не уничтожали, подобно Шопену, вещи, которые считали недостойными. Но иногда они неаккуратно обращались с рукописями…

Роббинс улыбнулся собственным мыслям. Несколько раз порывшись в шкафу у Шуберта в начале 1820-х годов, он нашел законченные третью и четвертую части его симфонии си минор, вошедшей в анналы как «Неоконченная».

– Однако до Бетховена публиковалась лишь незначительная часть сочинений любого композитора. Ноты чаще всего существовали в ограниченном количестве рукописных копий, которые легко могли утрачиваться из-за различных происшествий или небрежности. К тому же крупные композиторы добетховеновской поры отличались плодовитостью. У Баха, к

примеру, около двух тысяч произведений. Они сочиняли так много музыки, что даже им самим было трудно сохранять и учитывать написанное.

Мои сотрудники и я стали жертвами собственных успехов. Нам удалось заполучить почти все, что создали эти композиторы. Если работать прежнем темпе, то необходимость визитов на ТКЗ скоро отпадет.

– Вот, значит, в чем дело! — опять рассердилась Антония. — Ты предложил этот эксперимент только для того, чтобы оправдать свое пребывание в институте.

Началась третья часть концерта, снова в минорной тональности.

– Нет, не только! До последнего времени мы действовали как сборщики утиля. Мы добывали утраченные произведения — для себя. Ведь «Первый закон контактов» запрещает возвращать утраченные работы жителям ТКЗ. Теперь наша деятельность пойдет на пользу не только нам, но и ТКЗ.

Литтон хорошо понимает это. Вспомни, сколько поэтов и прозаиков ерли слишком рано! Взять хотя бы Перси Шелли: он утонул двадцати пяти лет от роду. Или Джон Ките: умереть в двадцать шесть лет от туберкулеза! Харрисон играючи предотвратил бы это. Эдвард говорит, что первым делом подарил бы Чарлзу Диккенсу еще несколько лет жизни, чтобы он закончил свою «Тайну Эдвина Друда». Ведь проживи любой из них дольше — и все, что бы они еще создали, стало бы частью нашего культурного наследия — и их тоже. А Шимура? У него в списке и Ван Гог, и…

– Согласна, согласна! Я не спорю, когда ты говоришь о блестящих перспективах, но подумай о риске! — Она покосилась на насупленный гипсовый бюст на рояле. — Почему именно Бетховен? Почему не кто-нибудь, умерший совсем молодым, — скажем, Моцарт? Вот кто прожил гораздо дольше и написал куда больше, чем твой Людвиг. Прикинь: проживи Бетховен подольше, он стал бы современником Шопена, Шумана, других композиторов, творивших в конце 1830-х и в 40-х годах. Если бы он жил и продолжал сочинять свои шедевры, один совершеннее другого, то у них пропал бы энтузиазм, так как они не чаяли бы дотянуться до такой вершины и забросили бы ноты. Мы бы их сохранили, а ТКЗ лишилась их крупнейших произведений. То же самое случилось бы, спаси мы Моцарта, только в худшем варианте: в числе сраженных рисковал оказаться бы сам Бетховен.

– Ты забыла выводы Харрисона: Бетховен не проживет слишком долго, даже если я его временно «спасу». Так пускай и ТКЗ, и мы получим лучшее, на что он способен, — еще несколько

произведений одного из величайших композиторов всех времен — и никаких дурных последствий для его современников. К тому же мы докажем свою полезность жителям ТКЗ.

– Тут-то и коренится главный вопрос: откуда мы знаем, что приносим им пользу? — Антония вытащила из сумочки листок бумаги. — Биллингсли попросил меня передать тебе вот это. Он говорит, что ты не отвечаешь на его запросы, а он слишком занят на ТКЗ, чтобы настаивать на встрече. — Она невесело усмехнулась. — Он сказал, что желал бы спасти как можно больше образцов так называемой «поп-культуры» XX века, прежде чем ты все там перечеркнешь.

Вполне в духе Биллингсли, подумал Роббинс, беря записку и опуская ее в карман.

Отзвучал финальный каданс концерта. В наступившей тишине вздох Антонии показался очень громким.

– Уже поздно. Мне пора.

Роббинс проводил ее до двери. Напоследок она сказала:

– Меня совершенно не заботит, что ты задумал. — Она помолчала. — Но мне не безразличен ты. Что бы ни случилось, береги себя.

Она порывисто обняла его, скользнула губами по щеке и пропала.

В комнате остался запах ее духов. Сев к роялю, Роббинс сыграл «К Элизе», мысленно изменив название — «К Антонии».

– Ты ведь не возражаешь? — осведомился он у бюста Бетховена. Тот нахмурился еще сильнее.

Потом он вспомнил о записке Биллингсли. В ней говорилось: «Дорогой Говард, будь добр, прочти эти рассказы. Надеюсь, они заставят тебя отказаться от намерения изменить ход истории на Второй Земле». Далее шел список из десяти наименований и авторов. Почему бы и нет?

– Компьютер.

– Слушаю, — отозвалось из стены теплое контральто. Роббинс взглянул на первое название в списке.

– Доступ к рассказу «Удар грома».

– Категория? Научная фантастика?

– Видимо, — ответил Роббинс, насупившись.

– Автор — Брэдбери, Рэй?

Он заглянул в список.

– Он самый.

– Желаете прослушать или прочесть распечатку?

– Распечатку.

Он наблюдал, как из щели в стене соскальзывают листки. Когда распечатка завершилась, он прочел первые несколько

страниц и с отвращением отбросил всю стопку. Охота на динозавров — вот ахинея!

Ему следовало это предвидеть. Однажды он спросил Биллингсли, почему тот всегда применяет термин «Вторая Земля» вместо стандартного обозначения «Транскосмическая Земля». Ответ прозвучал серьезно: такой вариант напоминал ему о серии «графических романов», написанных во второй половине двадцатого века. Вскоре Роббинс получил от него список авторов и произведений.

Поневоле заинтригованный (почему «графические»? И откуда такое странное название — «Вспышка двух миров»?), он запросил у Сети распечатки. Сначала страницы с картинками и буквами вызвали у него удивление, которое переросло в гнев, когда компьютер сообщил в ответ на его запрос, что так называемые «графические романы» в старину именовались «комиксами». Весьма типично для Биллингсли — цитировать дурацкие детские книжки!

Роббинс изучил другие названия из записки: «Стержень времени», «Одним махом», «Убийцы Мохаммеда», «Встреча в Берлине»… Он смял листок. Видимо, все остальное — в том же духе. На подобную белиберду жалко тратить время.

Он потянулся к клавишам, но заколебался. Сейчас он был не в бетховеновском настроении, не чувствовал готовности штурмовать небеса. Лучше что-нибудь полегче — Шопен, например. Проиграв несколько этюдов из опуса 25, он почувствовал, что напряжение спало. Когда в комнате затихли последние трепещущие аккорды тончайшего Этюда №9 соль-бемоль мажор, прозванного «Бабочкой», он опять поднял глаза на бюст композитора.

– Как ты считаешь, я правильно поступаю? Во взгляде Бетховена читалось осуждение.

РАЗРАБОТКА

– С этой стороны выглядит отлично, доктор Роббинс.

Роббинс смотрел на свое отражение в высоком зеркале примерочной комнаты и довольно кивал. Черный камуфляжный костюм для ночных операций, в который он облачился с помощью специалиста по Переходу Майлса, напоминал снаряжение аквалангиста: он закрывал все тело от плеч до лодыжек; голову приходилось продевать в дыру. На поясе висел цифровой сканер, похожий на дирижерскую палочку.

– Я только что откалибровал и сфокусировал Переход. Вы сможете совершить транслокацию, как только облачитесь в костюм.

Роббинс присел на скамейку, чтобы натянуть черные башмаки.

– Придется подождать Харрисона. Он принесет вакцину, которой я хочу воспользоваться. Майлс нахмурился.

– Ее принесет доктор Харрисон?

– Так он мне сказал. А что?

– Прежде чем выйти из переходной камеры, я увидел доктора Эртманн и решил, что вакцина у нее.

– Мне неважно, кто принесет, главное — получить вакцину.

Он встал и принял у Майлса черный капюшон с прорезями для глаз, рта и ноздрей, Роббинс пристегнул его к костюму с помощью герметичных магнитных застежек.

Майлс подал ему черные очки. В верхней половинке левого окуляра загорелся разноцветный дисплей.

«Зарядка проведена, диагностика закончена, — прочел Роббинс. — Отключение света».

В темноте очки переключились на ночной режим. Все вокруг выглядело нормально, только со слабым зеленым оттенком.

Роббинс опять посмотрел на свое отражение и улыбнулся. Биллингсли называл костюм для ночных операций «гардеробом взломщика» — метко, учитывая характер миссии.

Из-за необходимости максимально избегать контакта с людьми на ТКЗ работа там состояла, главным образом, в ночном обыске помещений с целью обнаружения рукописей и прочих документов. При неожиданном появлении в помещении «местного» полуночника костюм позволял облаченному в него исследователю оставаться незамеченным достаточно долго, чтобы успеть спрятаться или унести ноги.

– Не забудьте вот это.

Роббинс взял у Майлса браслет и застегнул его на левом

запястье. Забывать этот предмет нельзя: без него он не смог бы задействовать со стороны ТКЗ переходный шлюз и вернуться на свою Землю.

Они прошли по короткому коридору и оказались в переходной камере. Там они застали Харрисона: он склонился над молодой женщиной в белом лабораторном халате, которая сидела за главным пультом управления. Роббинс не узнал ее. На вид лет тридцать с небольшим, с длинными рыжими волосами и бледной кожей. Она плакала навзрыд, закрыв лицо ладонями.

Харрисон поднял глаза на Майлса. Его определенно терзало беспокойство.

– Кто-нибудь из вас знает, что случилось с доктором Эртманн? Майлс пожал плечами.

– Понятия не имею. Десять минут назад она была в полном порядке.

Харрисон опять наклонился к уху женщины.

– Что с вами, Дороти? Вы больны? Вам нужна помощь?

Дороти Эртманн медленно подняла искаженное лицо, в припухших глазах блеснули слезы. Роббинс подумал, что если бы не это, ее можно было бы назвать очень хорошенькой.

– Простите, — проговорила она, — мне не следовало… — она осеклась, вытаращив глаза на Роббинса. — Кто это?

– Доктор Роббинс, — ответил ей Харрисон, хмуро глядя на черную фигуру в капюшоне. — Ведь это вы? Роббинс кивнул.

– Вы не возражаете, если я сейчас уйду, доктор Харрисон? — взмолилась Эртманн. — Он, — она указала на Роббинса, — объяснит вам, что произошло.

– Вы уверены, что сможете идти самостоятельно? Я мог бы послать за креслом-каталкой…

– Нет, благодарю. — Женщина с трудом поднялась со стула и поплелась к выходу. — Я доберусь до своего кабинета и немного полежу.

– Что ж, раз вы уверены, что справитесь сами…

– Уверена. Прошу вас, мне нужно побыть одной. После ее ухода Майлс не выдержал:

– Что случилось, док? Харрисон пожал плечами.

– Понятия не имею. Я появился здесь за минуту до вас и нашел ее всю в слезах. — Он помолчал. — Дороти всегда была чувствительной натурой. Когда что-нибудь не получается, она сильно расстраивается. Но видеть ее расстроенной до такой степени мне еще не приходилось.

Качая головой, Харрисон поднял с пола белую коробочку и открыл ее.

– Когда мы закончим, я проведаю Дороти. — Он извлек из

коробочки прибор, похожий на автоматический пистолет, и бутылочку с прозрачной жидкостью. Сняв металлическую крышку, он вставил горлышко бутылки в отверстие на днище прибора, после чего протянул его Роббинсу.

– Вопросы?

– Никаких. — Роббинс взвесил инжектор на ладони. Накануне Харрисон продемонстрировал ему, насколько просто пользоваться прибором. «Прижимаете инжектор к предплечью, снимаете предохранитель, нажимаете курок». Он почувствовал слабый укол в том месте, где брызнул ему под кожу миллилитр жидкости, — осталось красное пятнышко, быстро рассосавшееся.

Роббинс кивнул Майлсу.

– Жду отправления.

Майлс подошел к пульту управления, подобрав по пути с пола несколько предметов и положив их на полку. Проверив индикацию на дисплеях, он сказал:

– Переход по-прежнему задействован и стабилен. Местное время на ТКЗ — час десять ночи, 17 ноября 1825 года.

Взволнованный Роббинс подошел к отверстию переходного узла. Последний представлял собой цилиндр длиной шесть метров, положенный набок. Он был несколько сплющен там, где соприкасался с платформой; диаметр входа равнялся трем метрам. При активизации Перехода, как сейчас, ближний конец цилиндра становился черным. Богатый опыт подсказывал Роббинсу, что туда лучше не смотреть, поскольку то была абсолютная пустота — явление, не подвластное рассудку. Стоило кинуть взгляд в ту сторону — и у него начиналось головокружение, словно он смотрел с высокой скалы в бездонную пропасть.

ВПЕРЕД! Сам процесс перехода был безболезненным. Казалось, по всему телу пробегает дрожь, как будто он превратился в настроечный до-камертон. По словам Майлса, это ощущение вызывалось прохождением через силовые поля низкого уровня с перевернутой фазой, необходимым для того, чтобы не допустить переноса с Земли на ТКЗ молекул воздуха и микроорганизмов. «Медленно движущихся макрообъектов», вроде человека, эти поля не задерживали. Переход представлял собой односторонний клапан для проникновения с Земли на ТКЗ. За редкими исключениями — например, кислорода, поступившего в кровь в процессе дыхания, — ни материя, ни энергия с ТКЗ не могли проникнуть в их мир…

Внезапно течение его мыслей было прервано. Он прибыл на место. При первом же вдохе в ноздри ударил целый букет неприятных запахов. В темноте автоматически включились

инфракрасные очки.

Он находился в кухне бетховеновского дома. В стене чернел полный золы очаг. Там же громоздились несколько столов, открытые полки с посудой и кухонной утварью. В углу пылился щербатый рояль. Роббинс усмехнулся. По иронии судьбы, начинавший как чудо-пианист композитор, внесший огромный вклад в литературу об инструменте, под конец жизни совершенно к нему охладел. Завершив несколькими годами раньше свою последнюю сонату и вариации на тему вальса Диабелли, он больше не писал крупных произведений для фортепьяно — потому, видимо, что больше не мог слушать собственную игру и испытывать от этого наслаждение, а также из-за занятости крупными проектами, вроде «Торжественной мессы» и Девятой симфонии. Так или иначе, заброшенный рояль гения представлял собой печальное зрелище. Если бы Бетховену посчастливилось прожить еще несколько лет, он бы, возможно, создал еще несколько фортепьянных произведений.

Роббинс не заметил валявшийся на полу нож и случайно зацепил его ногой. Нож звякнул и отлетел в угол. Роббинс замер, прислушиваясь: шум был очень некстати. Однако в ответ не раздалось ни звука.

Он стал медленно пробираться по жилым комнатам, стараясь не задевать многочисленные столики и стулья. Его так и подмывало взглянуть на бумаги с нотами, но он сдержался. Начинать надо с главного.

Дверь в спальню Бетховена была распахнута. Роббинс прокрался в комнату. Композитор лежал на правом боку на маленькой деревянной кровати и мирно посапывал. Тонкое одеяло укрывало его только до пояса. На нем была простая ночная сорочка, порванная в нескольких местах. Из-под ночного колпака выбивался клок волос.

Роббинс не мог отвести взгляд от спящего. Он знал, что созерцает одного из величайших музыкальных гениев всех времен. Но с виду это был обрюзгший мужчина, в свои сорок четыре года преждевременно состарившийся, с мужиковатым, усеянным оспинами лицом.

Спящий застонал и громко всхрапнул. Роббинс застыл, ожидая, что он вот-вот проснется. Вместо этого Бетховен улыбнулся во сне.

Роббинс стал приноравливаться, куда бы ввести вакцину. К счастью, на левом плече ночной сорочки красовалась дыра. Роббинс аккуратно отодвинул лоскут, обнажив кожу. Сняв предохранитель, он приложил инжектор к руке Бетховена.

Раздался тихий щелчок. Роббинс отпрыгнул, ожидая реакции.

Однако «пациент» не только не проснулся, но даже засопел слаще прежнего.

Роббинс медленно вернулся в гостиную, где уступил соблазну и стал водить сканером по примеченным раньше нотам. В кухне он проверил на многофункциональном дисплее очков текущее время. Он находился на ТКЗ десять минут. График соблюдался. Столько же времени Харрисон и Майлс прождали его на Земле. Пора возвращаться.

Ему предстояло задействовать Переход, временно возвратиться на Землю, а потом снова перенестись назад, в Вену, чтобы проверить, жив т композитор 27 марта 1827 года — на следующий день после исторической даты смерти. Он поспешно нажал кнопку на «возвратном» браслете. Воздух перед ним замерцал и заколебался, как нагретые слои над раскаленной мостовой. Так обозначал себя Переход. Он ступил в мерцание.

Роббинс еще раз выглянул из воронки. Расстояние между ним и казаками медленно сокращалось. Теперь оставалось не больше семидесяти метров. Он поспешно пригнулся, проехавшись губами по скользкой стенке воронки. В голове почему-то зазвучал вальс Штрауса «На прекрасном голубом Дунае». Ему предстояло спасаться бегством, а не вспоминать вальсы, хотя его шансы невелики; еще хуже остаться в воронке и подохнуть, так и не выбравшись из грязи…

Внезапно до него донеслись возбужденные крики казаков. Он осторожно выглянул и увидел, что они дружно указывают на ружейный ствол в окне второго этажа здания слева. Раздался сухой щелчок, у одного из казаков свалилась с головы папаха.

Двое казаков тотчас спешились и бросились в подъезд. Другие двое подъехали с оставшимися двумя лошадьми к фасаду, чтобы не служить мишенями. Роббинс уже собирался выскочить и, пользуясь тем, что казаки отвлеклись, метнуться в проулок, где его ждал Переход, однако в последний момент передумал. Двое оставшихся в седлах казаков гарцевали как раз перед заветным проулком. Они обязательно заметят его еще до того как он скроется из виду; Роббинс очень сомневался, что они настроены брать пленных.

Из дома послышался крик мужчины и женский визг: «Нет!» Скоро появились двое казаков, волочивших за собой молодого мужчину и женщину, видимо, жену стрелявшего — совсем молоденькую, рыжеволосую, как видно, на сносях. Она умоляла не причинять зла ее мужу Йозефу, ее будущему младенцу и ей самой; молодой муж просто осыпал недругов ругательствами.

Казаки отвечали грубым хохотом. Один слез с лошади и что-то сказал супругам на ломаном немецком языке. Роббинс понял его

плохо, но и то, что он понял, заставило его ужаснуться. Казак кивнул своему товарищу, державшему женщину за волосы. Тот опрокинул ее на спину, прямо на заплеванный тротуар, и развел ей руки, по-волчьи скалясь.

Роббинс сжал кулаки, мысленно прося Господа подсказать, чем он может помочь несчастной. Драться он не умел, оружия у него не было… Если он просто попытается их остановить, они прикончат его и все равно надругаются над беременной.

Что же сделать, чтобы изменить ход событий?..

* * *

– Все осталось по-прежнему.

Роббинс плюхнулся в мягкое кресло в директорском кабинете. Он был одет в тот же длинный сюртук, грубые шерстяные брюки, белую сорочку и жилет — типичный наряд венского буржуа 1827 года.

Директор застыла за своим столом с выражением тревоги на лице. Доктор Эверетт примостилась на кончике стула.

– Я снова перенесся в Вену вечером 27 марта 1827 года. Отойдя от Перехода, я прошел несколько кварталов и набрел на уличного продавца газет. — Удрученный Роббинс помедлил. — На первой странице было написано: «Вчера вечером ушел в мир иной наш любимый герр Бетховен». Я возвратился на Землю и опять перенесся в Вену, только уже вечером 29 марта 1827 года.

Далее он сжато описал, как затесался в большую толпу скорбящих, сопровождавших похоронную процессию по венским улицам.

– Почему ничего не получилось? — спросил он у Эверетт. Та покачала головой.

– Не знаю. С точки зрения транскосмологической физики, имеются два варианта объяснения. Первый: я ошиблась по поводу «гибкости» истории на ТКЗ. И второй: введя Бетховену вакцину, вы, возможно, продлили ему жизнь, но одновременно создали своим вмешательством новую ветвь Вселенной. Проблема в том, что если верно второе предположение, то в наших силах перенестись только в «первоначальный» мир, где смерть постигла его в тот же день, что и в нашей истории. Поэтому у нас создается впечатление о нашем бессилии.

Вот оно что! Роббинс расстегнул воротничок накрахмаленной рубашки и вздохнул. Он был так близок к цели…

– Впрочем, возможно и третье объяснение. Он покосился на Эверетт.

– Причина может заключаться не в транскосмологии, а в медицине. Вдруг Харрисон ошибся, заключив, что Бетховен умер от гепатита? Или ты неправильно ввели вакцину…

Роббинс нахмурился. Ему казалось, что он все сделал верно.

– К тому же Харрисон говорил о 95-процентной результативности вакцинирования. Это означает, что в одном случае из двадцати возможна неудача. Не исключено, что нам просто не повезло.

Роббинс с признательностью взирал на Эверетт, ощущая себя приговоренным к казни преступником, которому пожаловано если не помилование, то хотя бы отсрочка исполнения приговора.

– Каковы ваши предложения? — спросила директор.

Эверетт пожала плечами.

– Харрисон — эксперт по медицинской части. То, что относится к медицине, следует обсудить с ним. Кстати, а где сам директор? Разве он не должен присутствовать на заседании?

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет неуверенной походкой вошел Харрисон. Упав на свободный стул, он отер бледное лицо. Роббинс назвал бы его сейчас не врачом, а пациентом, нуждающимся в лечении.

– Прошу прощения за опоздание, — промямлил Харрисон. — Я…

Умерла доктор Эртманн.

– Кто? — испуганно переспросила директор.

– Дороти Эртманн. Она проработала со мной пять лет.

– Жаль… — Директор выглядела искренне огорченной. — Как это произошло?

– Она покончила с собой. — Харрисон вытер глаза. — Она знала, что принять, чтобы смерть была быстрой и относительно безболезненной.

– Вы знаете, почему она это сделала? — спросила Эверетт.

– Дороти оставила записку. Правда, очень сумбурную: мол, она сожалеет, что предала институт и всех нас, в особенности меня. — Харрисон вздохнул. — Ее ближайшая родственница — младшая сестра в Де-Мойне. Надо ей позвонить…

– Знаю, как вы расстроены, — сказала ему директор. — Мы не задержим вас дольше, чем необходимо. Перед вашим приходом мы обсуждали причины неудачи проекта доктора Роббинса.

Харрисон внимательно выслушал Эверетт, повторившую для него свою гипотезу.

– Анализы внушают мне уверенность в правильности нашего диагноза о причине смерти Бетховена, — заявил он. — Я сам

обучил доктора Роббинса пользоваться инжектором. Простейший приборчик: с ним справится даже дебил. — Он покосился на Роббинса. — Простите, я не то имел в виду…

– Ничего.

– Вакцина не сработает, если у реципиента нарушен иммунитет или при слишком сильном заражении.

– Возможно ли, чтобы неправильной была сама вакцина? — спросила Эверетт.

– Невозможно. Я сам ее проверил, прежде чем передать доктору Роббинсу. Я не выпускал ее из рук.

– Тогда что вы предлагаете? — спросила директор. Харрисон пожал плечами.

– Доктору Роббинсу следовало бы перенестись туда еще разок и ввести Бетховену микровакцину. Она заблокирует прежнюю и обязательно подействует.

Эверетт задумчиво смотрела на Харрисона.

– Слушая вас, я подумала о другой возможности. — Она сделала выразительную паузу. — Саботаж!

Харрисон выпрямился.

– На что вы намекаете?

– Мне пришло в голову, что если транскосмологические и медицинские причины неудачи маловероятны, то приходится рассмотреть человеческий фактор.

– Повторяю, я лично проверил вакцину и держал ее при себе до самго…

– Вас я ни в чем не обвиняю. Как и доктора Роббинса.

Меня, удивленно подумал Роббинс. Ведь этот проект — мой! Как она смеет… Или она приписывает мне дьявольскую хитрость? Я вношу свое предложение с мыслью добиться обратного эффекта, чтобы никто больше не вздумал вмешиваться в прошлое ТКЗ… Роббинса прошиб пот. Я знаю, что не являюсь саботажником, но как это доказать?

– Знаете ли вы кого-нибудь, кто располагал бы техническими возможностями помешать осуществлению проекта? — обратилась Эверетт к Харрисону.

– Полагаю… — хмуро начал Харрисон.

– Доктор Эртманн!

Все посмотрели на Роббинса.

– Помните, Харрисон? Перед моей транслокацией она побывала в переходной камере. Могла ли она там что-нибудь испортить?

Харрисон смерил Роббинса совсем не тем взглядом, которым должны смотреть на ближних люди, посвятившие себя спасению человеческой жизни.

– Госпожа директор, — отчеканил он, — я нахожу выдвинутое доктором Роббинсом обвинение лишенным элементарного такта, учитывая, что названная им особа только что ушла из жизни при трагических обстоятельствах и не способна защитить себя.

– Мы хорошо понимаем вас, доктор Харрисон, — ответила за директора и Эверетт, — однако вам надо постараться отбросить все личное и дать искренний ответ.

Харрисон сник.

– Доктор Эртманн страдала излишним… идеализмом. Она была одним из наиболее самоотверженных медиков из всех, с кем мне приходилось сотрудничать. — Он помолчал. — Однако не скрою и другого: отправившись к Бетховену и взяв у него анализы, Дороти пребывала в уверенности, что речь идет об обычной паталогоанатомической процедуре с целью выяснения причин смерти: мы с ней занимались этим в отношении целого ряда исторических личностей. После того как проект доктора Роббинса был принят, я… — Он помялся. — В общем, я рассказал ей о его подлинных целях. Да, мне известно, что такие сведения относятся к разряду неразглашаемых. Однако я полагал, что, выполнив столь опасное задание, она имеет право знать правду.

– Как же она отнеслась к вашему сообщению? — поинтересовалась Эверетт.

– Она рассердилась, стала говорить об опасности уничтожения нашего мира или непредвиденной катастрофы на ТКЗ — в духе того, что доказывала доктор Брентано на последнем заседании. Она даже обвинила меня во лжи и предательстве.

– Что же из всего этого следует? — спросила директор.

– Что надо сделать еще одну попытку, — ответила Эверетт. — Только на сей раз все будет сложнее. И, — она покосилась на Роббинса, — гораздо опаснее.

Натянув костюм для ночных операций, Роббинс снова вошел в переходную камеру. Майлс беседовал с Эверетт и Харрисоном.

– Да, припоминаю… Я действительно подобрал тогда с пола инфракрасные очки и браслет возврата. Эверетт повернулась к Роббинсу.

– Как выяснилось, доктор Эртманн десять минут оставалась без присмотра перед задействованным Переходом. Следовательно, у нее было время проникнуть на ТКЗ и каким-то образом помешать успеху вашей «операции». Харрисон считает, что она могла ввести ему блокирующий препарат, из-за которого его организм не прореагировал на вакцину и не прореагирует теперь на любые наши препараты.

Харрисон кивнул в подтверждение ее слов.

– Повторите еще раз, каковы должны быть мои действия, — попросил Роббинс.

– Переход запрограммирован на перенесение вас в квартиру Бетховена за пять минут до предполагаемого появления там доктора Эртманн. Ваша задача — остановить ее. Перехватите ее и убедите возвратиться. Эверетт усмехнулась. — Проявите воображение.

– Почему это должно все изменить? — не понял Роббинс. — Вы говорите, что если я остановлю Эртманн, то моя вакцина подействует и Бетховен проживет дольше. Но я уже знаю, что этого не произошло: ведь я побывал на ТКЗ на следующий день после его «первой» смерти и убедился, что он все-таки умер! Из этого следует, что меня все равно ждет неудача. Я не смогу ее остановить. Вы меня понимаете? — Роббинса передернуло. Он сам не очень хорошо понимал свои доводы. — Получается, мне предстоит изменить то, что уже произошло. Я запомнил ваши слова: изменить наше прошлое невозможно.

– Нет, — терпеливо ответила Эверетт. — Мы действительно не можем путешествовать в прошлое по своей ветви Вселенной и изменять его. Но, как я объясняла на заседании, мы способны менять прошлое ТКЗ, не сталкиваясь с последствиями, которые страшат вас. Иными словами, с точки зрения нашего «прошлого» и «настоящего», Эртманн удалось заблокировать действие вакцины и воспрепятствовать продлению жизни Бетховена. Однако если вы вернетесь туда «сейчас» и схватите ее за руку, то, с точки зрения нашего видения будущего, которое превратится в настоящее, когда вы возвратитесь через Переход, все-таки остановив ее, Эртманн постигнет неудача, а ваша вакцина сработает. Вам понятно?

Роббинс надеялся, что она не видит его лица под капюшоном…

– Даже если вы этого не понимаете, — уступила Эверетт, — то просто поверьте мне на слово. Сделайте так, как я говорю, и все получится. — Она усмехнулась. — Доверьтесь мне: как-никак я физик.

Роббинс и остальные двое мужчин поморщились. Судя по всему, она несвоевременно решила продемонстрировать чувство юмора.

– Переход активизирован и работает стабильно, — оповестил Майлс.

– Удачи, доктор Роббинс, — пожелала Эверетт.

Кажется, мне действительно не помешает удача, подумал он и шагнул к отверстию Перехода.

– Да, кстати!

Роббинс уже занес ногу и теперь балансировал на пороге. Эверетт зловеще улыбалась.

– Вам надо пробыть на ТКЗ не более пятнадцати минут. В противно случае вы можете в буквальном смысле столкнуться с самим собой, Когда вы впервые явились туда с вакциной. Не знаю точно, чем это закончится, но могу предположить весьма неприятное развитие событий.

Как будто без этого у него не было причин для беспокойства!

Сама транслокация прошла гладко, без неожиданностей. Кухня в композиторском доме осталась совершенно такой же, какой он ее запомнил. Спустя несколько секунд в дверь вошла Дороти Эртманн. Она была одета в точности так, как во время их последней встречи в переходной камере. В тех самых очках и браслете, которые Майлс потом поднимал с пола. В левой руке она сжимала инжектор — такой же, каким он вводил вакцину — или только собирался ввести?.. Он подпустил ее к двери спальни, а потом прошептал:

– Стойте!

Она застыла, как неживая. Только голова медленно повернулась в ту сторону, откуда донесся шепот.

– Я знаю ваши планы и не могу позволить вам помешать спасению великого человека! — Роббинс надеялся на то, что слова звучат угрожающе.

– Видимо, вас послал доктор Харрисон? — прошептала она в ответ

– Да.

Ее плечи опустились, инжектор переместился в карман белого лабораторного халата.

– Я должна была догадаться, что из этого все равно ничего не выйдет.

– Сейчас мы вместе с вами вернемся в кухню, задействуем Переход и исчезнем отсюда. Вам понятно?

У нее было настолько удрученное выражение лица, что Роббинс с трудом подавил желание сгрести ее в охапку и ободрить: не беда, все в порядке! Она вздохнула.

– Пожалуй.

Роббинс стремительно повлек ее к кухне. Но стоило ему включить свой браслет, как она вырвалась и крикнула:

– Нет!

Роббинс оцепенел. Не хватало только, чтобы она разбудила Бетховена…

– Ваш замысел опасен! — крикнула она. — Вы уничтожите и наш, и этот мир! Мы все можем испариться, словно нас никогда

не существовало, или испытать невообразимые страдания. Я не могу этого допустить!

Она схватила с ближайшего стола зазубренный нож, показавшийся ему знакомым, и занесла его.

Роббинс смотрел на нее во все глаза. Что делать? Он был выше ростом и превосходил ее силой. Однако он не умел драться, а Дороти моложе на полтора десятка лет.

– Не глупите! — нашелся он. — Все кончено. Как вы собираетесь распорядиться этим ножиком? — Он с опозданием вспомнил, что имеет дело с хирургом; он предполагал, что его вопрос прозвучит риторически… — Мы вас раскусили. Вы не можете противостоять сразу всем, впрочем, оговорился он про себя, сейчас тут находятся не сразу все, а он один).

Эртманн медленно опустила руку с ножом.

– Вы правы, — прошептала она. — Со всеми мне не сладить. Рыба проглотила наживку. Осталось умело подсечь.

– Харрисон доверился вам, а вы обманули его доверие. Вы предали сразу весь институт, но в первую очередь, конечно, его. Он все эти годы был вам почти отцом, но вы и его не пощадили! — Насчет «отца» он питал кое-какие сомнения, но обвинение прозвучало неплохо.

Нож со звоном упал на пол. Роббинс оглянулся, ожидая проклятий ; уст композитора, выскочившего из спальни, чтобы схватить грабителей.

– Вы правы, — повторила Эртманн. Очки закрывали ее глаза, поэтому он не видел слез, зато слышал всхлипывания. — Что же мне теперь дать?

– Включить Переход и убраться — сейчас же!

Грубость — не его стиль. Наоборот, ему очень хотелось утешить Доги. Она послушно нажала клавишу на своем браслете. Переход ожил поглотил ее.

Роббинс перевел дух. Оказывается, он не знал всех своих талантов…

Потом он напрягся. То, что Бетховен не появился в кухне, еще не означало, что он не шарит в спальне рукой в поисках свечи с намерением разобраться, кто это разбудил его. Роббинс осторожно возвратился к спальне и заглянул туда.

Гений громко храпел, лежа в той же позе, в которой Роббинс уже видел его (или еще только увидит?), когда побывал здесь с вакциной. Роббинс мысленно выругал себя за глупость. Эртманн могла бы шуметь хоть всю ночь — тугоухий Бетховен все равно бы не проснулся!

Он опять вернулся в кухню. Роббинс не знал в точности, сколько врмени осталось до «его» появления, и ему совершенно

не хотелось испытать на собственной шкуре те неприятности, на которые намекала Эверетт, предостерегая его от встречи с «собой» прежним.

Он уже поднес руку к браслету, когда его остановила внезапная мысль. Возвратившись на Землю, застанет он Эртманн живой или не застанет? Раньше он полагал, что, вернувшись в «прошлое» для встречи с ней и исправления причиненного ею вреда, он предотвратит ее самоубийство. Сейчас, вспоминая объяснения Эверетт, он уже не был в этом уверен. С другой стороны, с «мертвыми» нельзя вот так запросто беседовать — или все же можно? Потом он вспомнил свою отповедь Эртманн, слова о том, что она предала всех, в особенности Харрисона, и то, где слышал эти слова раньше. Если, вернувшись на Землю, он выяснит, что она не ожила, то…

Борясь с испугом, он задействовал Переход и прошел сквозь него.

– Стоило все это затевать?

– Думаю, да, — с улыбкой ответил Роббинс.

Он сидел рядом с Антонией на диване в своей квартире. Последние десять дней оказались самыми утомительными и яркими в его жизни. Он совершил тридцать два путешествия на ТКЗ после своей второй транслокации в Вену 27 марта 1827 года, когда вычитал в газете сообщение о смерти некоего Меттерниха, а вовсе не Бетховена. Днем он ходил по нотным лавочкам, а по ночам наведывался к Бетховену, чей дом он теперь знал лучше собственного.

После смерти композитора в 1834 году Роббинс и его сотрудники стали совершать экскурсии каждые два года, чтобы разобраться, как подействовала «новая» музыка на других композиторов. Добравшись до 1847 года, они не обнаружили больших перемен. Новые бетховенские шедевры никак не влияли на творчество Шопена, Шумана, Мендельсона, Берлиоза. Возможно, причина в том, что последние произведения гения сочинены в строго индивидуальном стиле и выглядели апофеозом всего его творчества. Это было прощальной песнью, а не прорывом в новое, как «Героическая» симфония.

– Когда мы сможем послушать эту чудесную музыку? — спросила Антония.

– Скоро.

Только сегодня к вечеру его сотрудники закончили перевод всех партитур, которые он сканировал из рукописей композитора на компьютерную систему музыковедческого сектора. После распределения нот по инструментам и приведения в порядок

динамики и темпа появились пригодные для прослушивания версии.

– Признаюсь, мне очень любопытно. Что он писал в эти «дополнительные» годы?

– В основном, камерную музыку: недостающие части для струнного Квинтета до мажор, три струнных квартета, две сонаты для фортепьяно, три трио для фортепьяно, скрипки и виолончели. Есть также одна оркестровая вещь…

Антония приподняла брови.

– Мы с тобой будем первыми людьми на Земле, которые услышат самую последнюю симфонию Бетховена: Десятую ля минор.

Он воздел руку, как дирижер, и резко уронил ее.

– Компьютер! Начали!

Медленное вступление к первой части началось серией громогласных диссонансов, исполняемых всем оркестром. Постепенно они сменились громкой, спокойной темой до мажор, начатой соло на кларнете, сдержанном пиццикато струнной группой. Потом мелодию подхватил весь оркестр; она звучала мощно, но недолго, перейдя в ля минор, а потом сменившись главной темой аллегро. В короткой экспозиции прозвучали две трагические темы. Роббинс шепотом комментировал:

– Обе продолжают темы Баха: «Распятие» из «Высокой» мессы си нор и кантату «Погребение Христа».

Разработка была выдержана почти исключительно в миноре: боль, дурные предчувствия, героическая, но обреченная на неудачу борьба, выраженная возрастающим напряжением в музыке. Реприза не принесла облегчения: она завершилась шепотом безнадежного смирения в той минорной тональности.

Вторая часть анданте состояла из чередования вариаций на две темы: та в фа мажоре, другая в до миноре. Увидев удивление на лице Антонии, Роббинс улыбнулся.

– Звучит знакомо? Обе сходны с мелодиями из «Мессии», арией узренный» и хором «Грехи наши Он принял на себя». Недаром Бетховен называл Генделя своим любимым композитором. Первоначально спокойное, пасторальное настроение второй части под конец сменилось горечью и даже отчаянием в заключительных тактах. Третья часть скерцо оказалась престо в до миноре, похожим на danse macabre, зловещий танец.

– Главная тема похожа на Моцарта в «Dies Irae» «Реквиема». Каждый возврат молитвенной мелодии (опять Моцарт — из «Масонской траурной музыки») в частях трио ля-бемоль мажор казался рождением надежды, но ее хоронило возвращение

оркестра к грустной теме.

Потом зазвучала четвертая, последняя, часть симфонии, обозначен-«умеренно». Ее открывало новое появление первоначальной негромкой до-мажорной темы, исполненной на этот раз в до миноре. Высокие струнные и деревянные духовые инструменты исполняли ее мягко, вкрадчиво. Когда она переросла в трагический вздох, ее перекрыла новая тема фортиссимо на тромбонах и низких струнных.

Эта новая тема, — пояснил Роббинс, — представляет собой дословную цитату из старого учителя Бетховена, Гайдна: тот написал эту музыку в честь императора своей родной Австрии.

Несмотря на вмешательство второй темы, первая возвращалась вновь и вновь, с каждым разом все усиливаясь, пока она и «Гимн императору» не слились в титаническом борении, полном пронзительных диссонансов. Потом, вслед за внезапным, завораживающим переходом в до мажор, с могучим пением труб и подчеркиванием тимпанами, первоначальная тема поглотила «императорскую», сначала раздробив ее на несвязные звуки, а затем окончательно уничтожив. Только тут стала ясна ее истинная мощь: весь оркестр подхватил мелодию кодой неуемного празднества, по сравнению с которой завершение предыдущей бетховенской симфонии показалось бы сдержанным и домашним. Наконец среди воинственных фанфар варварского размаха, исполненных медной духовой группой и ударными, струнные и деревянные духовые сыграли победную тему в до мажоре мощным и оригинальным контрапунктом, что и послужило триумфальным завершением симфонии…

Они долго молчали, давая музыке отзвучать в ушах и в сердце. Наконец, Антония молвила:

– Ты прав: ради этого стоило пойти на многое…

– В 1826 году Бетховен начал писать еще одну симфонию, до минор. Однако дальше набросков дело не продвинулось. В 1831 году он начал работать над этой, которую завершил в 1834-м. В дневнике он записал, что вдохновлялся какими-то актуальными событиями, вроде борьбы поляков за освобождение своей страны от русского владычества. Новый прилив вдохновения он испытал, получив от племянника Карла в подарок к 60-летию немецкий перевод «Освобожденного Прометея» Шелли. Он говорил, что его музыка выражает победоносную борьбу человеческого духа и жизни против тирании и смерти, окончательную победу свободы над угнетением. Как в Пятой симфонии или в третьей увертюре «Леонора», только гораздо сильнее.

Интересно, что через несколько лет после премьерного исполнения этой симфонии первая тема из четвертой части,

которой с таким драматизмом завершается вся вещь, была положена в основу популярной патриотической песни. После 1837 года практически в каждом нотном магазине продавалась ее партитура. В 1847 году, когда я посетил Вену в последний раз, толпа даже распевала ее во время манифестации.

Текст песни написал какой-то неизвестный ганноверский поэт. В оригинале, на немецком, стихи лишены и вкуса, и чувства меры. Английский перевод Литтона немногим лучше. Начинается сей опус так «Сыны Германии, вставайте,/Могучи вы, непобедимы,/Повелевайте всем грядущим,/Единство вам судьба диктует…» И так далее. Примерно в то же время были написаны новые слова для гимна кайзеру Гайдна, в которых вместо австрийского императора восхвалялась Германия. «Deutschland uber alles» стал германским национальным гимном.

– А самому Бетховену довелось послушать перед смертью его симфонию?

– Слушать ее он все равно не смог бы. К концу жизни он почти полностью оглох. Помнишь рассказ о том, как он дирижировал на первом исполнении Девятой симфонии? Пришлось развернуть его, чтобы он увидел, как ему аплодируют. Если ты хотела спросить, присутствовал ли он на исполнении, то я отвечаю: нет. Он умер как раз перед началом концертов. Десятая симфония была впервые исполнена через неделю после похорон.

Он улыбнулся бюсту Бетховена. Композитор сердито сдвинул брови. Роббинс был разочарован. «Я-то думал, тебе захочется послушать собственное сочинение!»

– От чего он умер, Говард?

– Ранения, полученные во время нелепого уличного происшествия.

Его переехал фургон с отбросами! Он ведь не слышал его приближения… ТКЗ лишилась романтической истории о композиторе, встающем о смертного одра, чтобы погрозить кулаком озаренному молниями небу; однако Роббинс полагал, что выигрыш оказался несравненно больше.

Антония задумчиво смотрела перед собой, не в силах забыть волшебную музыку.

– Когда ты туда вернешься?

Он неуверенно обнял ее за плечи.

– Завтра утром. Мы довели свои исследования — строго по графику до 1847 года. Великовски говорит, что в 1848 и 1849 годах в Вене проводили крупные политические беспорядки, и советует перепрыгнуть прямо в 1852 год, когда все должно успокоиться.

– Значит, ночь у тебя свободна, — сказала Антония и заглянула ему в глаза. На губах у нее появилась робкая улыбка. В последний раз он видел такое же выражение ее лица очень давно, но все равно узнал его.

Гораздо позже, когда Антония уснула в его объятиях, Роббинс, довольный, поднял глаза к потолку. Музыка и воспоминание о теле Антонии наполнили его голову пленительным звуком, похожим на медленную фугу. Именно из-за таких мгновений стоит жить на свете! Даже если завтра ему суждено умереть, он сойдет в могилу счастливым.

Но уснуть ему не дали другие воспоминания, которые он гнал все последние десять дней. В голове зазвучали слова Эверетт: «Нет, вы ничем не смогли бы ей помочь». Харрисон, наставник бедной Дороти Эртманн, уверял его: «Нет, вы ни в чем не виноваты. Она сама распорядилась своей жизнью». Возможно, все это говорилось искренне, возможно, даже, что оба были правы. Однако как ни силился Роббинс, ему не удавалось трезво взглянуть на то, что произошло. Так молода, так красива… Ему хотелось обнять, утешить ее, а вовсе не убить! От этих мыслей восторг, который вызывала Десятая симфония и любовь Антонии, резко пошел на убыль.

Его подсознание попыталось поставить преграду горьким воспоминаниям, заменить их музыкой. Однако в голове зазвучали трагические аккорды. Он слышал не торжествующую музыку Бетховена, а душераздирающий минор, вроде симфонии Чайковского си минор или Гайдна ми минор, которые завершались не в победном мажоре, а сохраняли до конца грустную тональность, настроение трагедии, «бури и натиска», отчаяния. Порой в этой музыке, как в реальной жизни, смерть одерживала верх над жизнью.

Антония прижалась к нему, и от ее тепла его наконец тоже сморил сон. Но спал он плохо. Всю ночь его терзала музыка: мотивы увертюры к шумановскому «Манфреду», особенно тема Астарты, и вторая часть его же струнного квартета ре минор с подзаголовком «Смерть и девушка»…

Роббинс в отчаянии колотил кулаками по стенке воронки. Он должен что-то сделать!.. Штаны казака уже съехали на икры, голые ягодицы сотрясались от хохота: он наслаждался ужасом женщины. Роббинс высунул голову из-за края воронки, отчаянно озираясь в поисках камня, палки — чего угодно, чем можно было бы вооружиться, даже если это будет стоить ему жизни.

Внезапно он увидел то, что искал: за поясом лежащего

неподалеку бездыханного толстяка поблескивал какой-то металлический предмет. В голове Роббинса опять зазвучала музыка. То была Десятая симфония, спрессованная в один могучий звуковой всплеск. Он был свидетелем решающего сражения человеческого духа со злом и смертью, стойкости, несгибаемости, и какие бы страдания ни выпадали на долю праведников, наградой за упорство была великая победа.

Он рывком поднялся, как Титан, разрывающий свои цепи, метнулся к мертвецу, вырвал у него из-за пояса револьвер и бросился к казакам. Остатки рассудка кричали, что он никогда в жизни не стрелял, даже не знает, сколько пуль в револьвере, но он был глух к доводам рассудка.

— Остановитесь! — крикнул он по-русски.

Казаки оглянулись, перестав смеяться. С револьвером в вытянутых руках, Роббинс стоял на приличном расстоянии от них, чтобы держать на прицеле всю четверку. Музыка в голове постепенно стихала, сменяясь страшной реальностью.

— Отпустите их, негодяи!

Он переводил револьвер с одного на другого. Только сейчас у него появилась возможность разглядеть подвернувшееся под руку оружие. Револьвер как две капли воды походил на оружие из жестокого вестерна столетней авности, который однажды показал ему Биллингсли. Припоминая, как пудовая своим шестизарядным кольтом герой фильма, Роббинс взвел большим пальцем затвор.

Казак медленно нагнулся, натянул штаны и внимательно посмотрел на Роббинса.

— Приветствую тебя, друг, — проговорил он. — Царь послал освободить вас. — Он показал на простертую женщину. — А этого добра хватит на всех.

Казак снова наклонился, словно с намерением стряхнуть пыль с сапог, потом выпрямился и сделал шаг в сторону Роббинса, протягивая руку.

— Видишь, мои руки пусты…

— Стой!

Казак изобразил обиду.

— Не станешь же ты стрелять в безоружного. Ведь ты сын немецкого рода, известного даже у нас на родине своим благородством. В руке казака что-то сверкнуло. Рука с кинжалом, который он умудрился вытащить из-за голенища сапога, поднялась, чтобы метнуть оружие, но Роббинс опередил его и спустил курок. От отдачи он на мгновение потерял контроль над ситуацией; придя в себя, он увидел, как казак и высший из его руки кинжал медленно опускаются на землю: пуля снесла казаку

верхнюю часть головы, окатив всех алым душем из крови, осколков черепа и ошметков мозга.

Казак, оставшийся в седле, поскакал было на Роббинса, но два выстрела слившиеся в один, сбросили его наземь, и он остался лежать в луже крови. Его товарищ схватился за эфес шашки, но получил пулю прямо между глаз и рухнул, как подкошенный.

Последний казак все еще держал мужа женщины, используя его в качестве щита. Он тоже попытался выхватить шашку; его пленник воспользовался заминкой и шарахнулся в сторону, предоставив Роббинсу возможность всадить русскому пулю в живот.

Ржание лошадей и отчаянный стук копыт по булыжнику вернули Роббинса действительности. Молодой человек бросился к жене, чтобы стереть полой юбки кровь застреленного, забрызгавшую ей ноги. Потом, кое-как поправив на ней одежду, он обнял ее и прижал заплаканное лицо к своей груди.

Роббинс как во сне обошел убитых, стараясь не ступать в лужи крови, растекшиеся по булыжной мостовой. Для того чтобы констатировать смерть, ему не был нужен Харрисон. Он не удержал в руке револьвер, который со звоном упал на мостовую.

— Вы справитесь дальше сами? — спросил он у молодого человека, с трудом поднявшего жену на ноги.

— Справлюсь, если вы мне подсобите. — Спасенный смотрел на казацкую лошадь.

Роббинс помог ему усадить жену в седло. Молодой человек повел лошадь под уздцы, огибая воронку, в которой до того прятался Роббинс. Когда пара уже скрылась за углом, до Роббинса донесся крик женщины, заглушивший пушечную канонаду:

— Спасибо! Да благословит вас Господь!

Стараясь не смотреть на трупы, Роббинс побрел к проулку, где его ждал Переход. Вот тебе и «Первый закон контакта», мрачно подумал он, намереваясь задействовать браслет на левом запястье.

Внезапно раздался громкий щелчок. Он ощутил адскую боль в спине под правой лопаткой и рухнул на землю. Один из казаков — тот, кому он всадил пулю в живот, — лежал на боку с дымящейся винтовкой в руках. Его лицо исказилось гримасой, он выронил ружье и ткнулся в грязь.

Едва не теряя сознание от боли, Роббинс недоверчиво смотрел на красное пятно, расплывающееся спереди у него на рубахе. Тем не менее он сумел встать и побрел дальше по проулку, пытаясь одолеть надвигающийся обморок. При попытке приподнять правую руку его пронзила такая боль, что перехватило дыхание. Тогда он поднес левую руку к повисшей правой и с трудом нажал немеющим

пальцем на клавишу.

Воздух перед ним заколебался, появилась желанная чернота Перехода, Ловя ртом воздух и едва переставляя свинцовые ноги, он ввалился в Переход. Его поглотила пустота, и он погрузился в благословенное забытье без начала и конца…

РЕПРИЗА

Когда он проснулся, боль уже стихла, он обрел способность нормально дышать. Он находился в ярко освещенной уютной комнате и возлежал на чужой кровати.

– Не пытайся встать, Говард, — раздалось рядом с ним.

Он растянулся на простынях, благодарно улыбаясь. Антония присела на край больничной койки.

– По словам доктора Харрисона, операция прошла успешно. Скоро ты будешь, как новенький.

Она не выпускала его руку. Он видел облегчение в ее глазах и думал том, как коротка и хрупка жизнь. Настало время разобраться, что для него важнее. Он перестанет отдавать всего себя работе, убедит Антонию поступить так же и выкроит время, чтобы приманить счастье.

Внезапно на него навалилась усталость. Он был готов вечно смотреть глаза Антонии, но сон оказался сильнее.

– Ты ведь не оставишь меня, Антония? — успел пролепетать он.

– Никогда, Говард!

В голове зазвучали «Грезы» Шумана.

Очнувшись, он не увидел в палате Антонию. Медсестра, заглянувшая нему через несколько минут, рассказала, что он попал в больницу четыре дня назад.

Потом явился Великовски с просьбой описать события на венских улицах в конце 1852 года. Ему хотелось узнать мельчайшие детали, однако он отметал все вопросы Роббинса о смысле событий, твердя, что еще рано давать им окончательную оценку.

После ухода Великовски Роббинс попытался додуматься до всего самостоятельно, но потерпел неудачу. Несмотря на частые визиты на ТКЗ, о знания об истории тех стран, где он бывал, оставались отрывочными.

Следующим утром его навестил Харрисон.

– Выздоровление как будто идет нормально. Великовски просил передать вам, что сегодня в четыре часа состоится специальное заседание гуманитарного комитета. С точки зрения медицины, вам не возбраняется на нем присутствовать.

– О чем пойдет речь? О том происшествии на ТКЗ? Харрисон замялся.

– В общем-то, да. Великовски и его сотрудники начали

анализировать ситуацию сразу после вашего возвращения. Сегодня утром он собирается представить свои предварительные выводы и предложения исполнительному комитету. В два часа он встречается с научным советом, а потом — с вами. — Его взгляд был полон сожаления. — Ходят разные с ухи о том, что он собирается сказать.

– Какие именно?

Харрисон встал и покачал головой.

– Я стараюсь оперировать фактами, а не домыслами. Это сильно упрощает жизнь.

До 16.00 оставалось несколько минут, когда две сестры помогли Роббинсу одеться и усадили в кресло-каталку. Санитар провез его по подземному тоннелю в главное здание института и минута в минуту вкатил в зал заседаний.

Все уже собрались. Роббинс занял последнее пустующее кресло, оказавшись между Биллингсли и Антонией. Та не ответила на его приветствие, глядя прямо перед собой. Директор тут же открыла заседание, не дав ему времени для выяснения отношений.

– Благодарю всех за участие в заседании, несмотря на столь позднее объявление. Как вам известно, во время своей последней транслокации на ТКЗ доктор Роббинс получил серьезное ранение. Пожелаем ему скорейшего выздоровления.

Слово было предоставлено Великовски.

– На протяжении последних пяти дней мои сотрудники активно посещали ТКЗ для изучения исторической аномалии, последствия которой испытал на себе уважаемый доктор Роббинс. Многие были ранены, причем несколько человек — смертельно. Благодаря их самоотверженности нам теперь известно, что на Транскосмической Земле разразилась катастрофа.

Все присутствующие посмотрели на Роббинса. Что случилось? Что он натворил?

Великовски продолжал:

– Не считая всплесков националистических настроений в различных германских государствах в предшествующее десятилетие, мы не обнаружили существенных отклонений в истории ТКЗ до 1848 года. В тот год наша история была отмечена несколькими народными и национальными выступлениями, которые угрожали, а иногда и в действительности приводили к изменению политического устройства во многих европейских странах.

Роббинс слушал рассказ Великовски о событиях, смутно возникавших в памяти: о демонстрациях и бунтах в Вене и

Берлине в марте 1848 года, заставивших королевское семейство Австро-Венгерской империи, Габсбургов, бежать из столицы и грозивших захлестнуть другое крупное германское государство, Прусское королевство. Вскоре после этого во Франкфурте была созвана Национальная конституционная ассамблея. Ее цель состояла в том, чтобы попытаться объединить все независимые германские государства — Пруссию, россыпь мелких княжеств и городов Центральной и Южной Германии, империю Габсбургов, организованную вокруг Австрии, а также Венгрию и большую часть Центральной Европы в единое государство.

Попытка провалилась. К 1849 году одержали победу реакционные группировки, отстаивавшие сохранение статус-кво. Первые успешные шаги по объединению Германии были предприняты только в 1860-х годах. Благодаря «реальной политике» прусского «железного канцлера» Отто фон Бисмарка его королевство объединилось в 1871 году с мелкими германскими государствами в Германскую империю, а прусский король Вильгельм I был провозглашен императором. Габсбурги шли своим прежним путем, но их Австро-Венгерская империя переживала упадок и прела; ее бессилие привело в 1914 году к началу первой мировой войны. Немцы Австрии никогда, за исключением периода с 1938 по 1945 од, не были частью нации под названием Германия.

– Такова *наша* история, — продолжал Великовски. — Такой она была до недавних пор и на ТКЗ. Наша история, разумеется, неизменна, зато история ТКЗ претерпела сильные изменения. Там в 1848 году Пруссия, мелкие германские государства и Австро-Венгерская империя объединились во Всегерманскую империю, а Фердинанд I Габсбург принял титул Императора всех германцев.

Столь ощутимая перемена в политической структуре Европы — появление в центре континента нового государства с населением семьдесят пять миллионов жителей, уступающего по размерам одной лишь России, — привела к совершенно иному историческому развитию. Событие, едва не стоившее жизни доктору Роббинсу в 1852 году, не происшедшее на нашей Земле, привело к едва не ставшему фактом захвату Вены, столицы новой империи, армией царя Николая I. Германские силы под командованием принца Альфреда фон Виндишгратца в итоге сумели отбить наступление, а спустя еще неделю одержали решающую победу над русскими в битве при Оломоуце. Французы под водительством только что возложившего на самого себя корону Наполеона III, воспользовавшись наступлением русских на Вену, тоже вступили в войну. Им сопутствовал успех: они нанесли немцам поражение под Кельном. После перемирия

они принудили Всегерманскую империю уступить их Второй Империи всю территорию к западу от Рейна.

Франко-германская война 1868 года закончилась казнью Наполеона III. Французский трон занял германский принц. В 1878 году Германия вторглась в Россию; генерал по фамилии Мольтке нанес русским поражение, и на царский трон уселся член германской правящей династии.

С образованием в 1892 году англо-германской конфедерации вся Европа, Северная Африка и Ближний Восток попали под прямой или косвенный контроль Всегерманской империи. На протяжении следующих двух десятилетий она расширяла сферу своего влияния, подчинив всю Африку, а после кровопролитной войны с Японской империей — и Азию. К 1912 году повсюду, кроме стран Западного полушария, не являвшихся владениями формально независимых европейских государств, вроде Великобритании и Испании, на всей ТКЗ властвовал Pax Germanica.

Исключая изменения в структуре иммиграции в конце XIX века и не разразившуюся в 1898 году войну с Испанией, события в Соединенных Штатах до 1912 года были почти аналогичны нашей истории. В 1912 году Вудро Вильсон победил на президентских выборах, выставив антимонархистскую платформу. Она включала 10 пунктов, среди которых фигурировало освобождение порабощенных народов мира, победа демократии и право наций на самоопределение. Наступил сорокалетний период, когда США вели непрямую идеологическую борьбу с Конфедерацией, способствуя гражданскому неповиновению, терроризму и партизанским движениям, а также поощряя деятельность фронтов национально-демократического освобождения в границах Конфедерации. В начале 1950-х годов эта «холодная война» переросла, однако, в кризис после успешного вторжения США на Кубу и в Канаду и свержения поддерживаемыми Конфедерацией силами республиканского правления в Мексике и его замены монархией во главе с принцем из рода Гогенцоллернов.

Великовски перевел дух.

– Для того чтобы понять дальнейшие события, надо вспомнить, что почти все крупные ученые, работавшие после 1848 года, трудились и на ТКЗ. Например, Альберт Эйнштейн, Эдвард Теллер, Вернер фон Браун совершили свои открытия, но не эмигрировали в США. Американские гении, такие как братья Райт, Оппенгеймер и Роберт Годдард, добились еще больших результатов, чем на нашей Земле. Поэтому наука и техника ТКЗ к середине двадцатого века опережали наши достижения.

Великовски смотрел теперь только на Роббинса.

– 1 декабря 1953 года Соединенные Штаты Америки предприняли массированное упреждающее ядерное нападение на основные города и военные объекты Конфедерации, применив все свои силы и средства. Конфедерация нанесла ответный удар.

Наступило тягостное молчание.

– Обмен ударами привел к колоссальным разрушениям. Добавим к этому остаточную радиацию, эпидемии и голод «ядерной зимой». По нашим оценкам, к концу 1954 года погибли три миллиарда человек — восемьдесят пять процентов населения ТКЗ к моменту начала войны. После 1996 года мы уже не смогли найти живых людей.

Моих рук дело, пронеслось у Роббинса в голове, не знаю, каким образом, но я убил всех этих людей. Он зажмурился, не смея смотреть на соседей, особенно на Антонию.

Голос Великовски долетал до него словно с Луны:

– Мы обязаны задать как минимум два главных вопроса. Первый: что привело к этой катастрофе? Второй: можем ли мы что-либо предпринять, чтобы изменить ситуацию? Последний вопрос я адресую доктору Эверетт. Ответа на первый вопрос я жду от доктора Роббинса.

Роббинс как по команде открыл глаза.

– Компьютер, дисплей, — скомандовал Великовски. Посередине стола появился объемный образ.

– Вы видите запись, сделанную во Франкфурте 4 июля 1848 года во время официального объявления об образовании Всегерманской империи.

Снимали, судя по всему, с крыши высокого здания. Роббинс взирал на море ликующих людей на огромной площади и на помост с видными деятелями, увешанными медалями. На земле, рядом с высоким помостом, он заметил военный оркестр.

– Выступающий, — комментировал Великовски, указывая на личность с моржовыми усами, вещавшую по-немецки, — это тот самый барон Отто фон Бисмарк, которого я уже упоминал. В нашей истории он был одним из многих дворян при прусском и габсбургском дворах, кто противился в 1848 году германскому объединению. В истории ТКЗ по причинам, в которых нам пока не удается разобраться, те же люди превратились в ярых сторонников интеграции.

Фигурка на дисплее закончила свое выступление жестом — «Приветствую нашего нового кайзера». Оркестр как по сигналу заиграл мощную, торжественную, воинственную мелодию.

Наконец-то он все понял. Людей на дисплее охватывали при совместном пении гордость, энтузиазм, желание сложить голову за великую державу. Рабочие, крестьяне, аристократы, мужчины и

женщины, люди всех слоев общества, такие разные, объединялись ради общей цели, пылая любовью к своей стране. Вскидывая правую руку в знак приветствия нового вождя, они страстно распевали гимн, сливаясь в беспредельном, фанатичном единении; казалось, ничто не помешает им покорить весь мир.

В происходящем был глубокий смысл. Роббинс вспомнил армии революционной и наполеоновской Франции, марширующие под звуки Марсельезы» по всей Европе; немцев XX столетия, горланивших Германия превыше всего»; англичан эпохи взлета их Империи, вдохновлявшихся пением «Боже, храни короля». Внезапно возникло воспоминание: отец ведет его на бейсбольный матч, и маленький Роббинс буквально раздувается от гордости, чувствуя себя истинным американцем и впервые в жизни стоя распевая вместе со всеми «Звездно-полосатый флаг».

Такой же подъем испытывали те, кто исполнял гимн «Сыны Германии, вставайте…» В основу была положена главная тема из четвертой части последней симфонии Бетховена — симфонии ля минор, триумфальной Десятой.

– Доктор Роббинс! — услышал он голос Великовски. — По словам доктора Брентано, вам знаком этот гимн. Судя по всему, он может иметь отношение к рассматриваемому нами вопросу. Так?

– Так, — признал Роббинс. — Но сначала я бы попросил вас выключить запись.

Аудитория не сразу переварила услышанное от Роббинса. Тот повернулся к Эверетт, забившейся в дальний угол.

– В силах ли мы все это изменить? Вернуть к нормальному состоянию?

Женщина кивнула.

– Полагаю, что да. На утреннем заседании научного совета доктор Харрисон говорил, что препарат, блокирующий действие вакцины, — именно его использовала Дороти Эртманн — сохраняет свою эффективность даже через сутки после вакцинирования. Все, что вам необходимо предпринять, — это опять перенестись в дом Бетховена, спустя примерно полчаса «после» того, как вы ввели ему вакцину, и впрыснуть нейтрализатор. Теоретически это исправит все, что произошло, и ТКЗ вернется к нормальному течению событий.

И это все? Так просто! Он уставился на свои руки, сжал пальцы. Получается, что в его силах разрушать целые миры и снова создавать их…

С него довольно! Он в последний раз побывает на ТКЗ и поставит крест на этих вылазках.

– Кто поддерживает предложение доктора Эверетт? —

спросила директор. — Все за. Кто против? Заносим в протокол: гуманитарный комитет проголосовал за предложение шестью голосами, то есть единогласно.

Роббинс вздохнул. Чем быстрее он с этим покончит, тем лучше.

– Теперь второй пункт повестки дня, — продолжила директор. — Доктор Великовски внес предложение, поддержанное исполнительным и научным советом. Рекомендовано создать специальную группу для изучения всех будущих проектов по изменению истории ТКЗ. Реализация предложения зависит, разумеется, от успеха или неудачи миссии доктора Роббинса, имеющий целью возвратить события на ТКЗ в нормальное состояние. Если миссия закончится положительно, а предложение получит одобрение, специальная группа начнет…

– Что?! — Выкрик Роббинса прервал директора на полуслове. — Не отите ли вы сказать, что, если я наведу на ТКЗ порядок, вы и дальше удете позволять нам переноситься на ТКЗ и менять их историю?

– Совершенно верно, — ответил за директора Великовски. — Вы доказали, что существуют способы менять историю ТКЗ, не покушаясь на нашу собственную. Из этого вытекает, что вместо пассивного добывания информации, чем мы занимались до сих пор, мы сможем использовать ТКЗ как огромную лабораторию по изучению последствий различного ода факторов. Ведь после каждого эксперимента мы можем вновь возвращать все на место, пуская историю ТКЗ по проложенной «колее».

Он дружески улыбнулся Роббинсу.

– Понятно, что вызванные вами изменения привели к катастрофическим последствиям в истории ТКЗ, однако нашей Земле это оказало огромную помощь. Динамика развития альтернативной истории дает богатейший материал для исследований! И это только начало. Мы все бесконечно обязаны вам!

Роббинс пожалел, что потерял на ТКЗ револьвер.

– Вы хоть понимаете, что говорите? Вы хотите сознательно манипулировать миллиардами людей, хладнокровно уничтожая их в экспериментальных целях!

Великовски выглядел обиженным.

– Это не реальные люди. Просто тени. Как указывала доктор Эверетт, они обитают в «сгибаемом», ненастоящем прошлом…

– Это слишком вольная цитата! — взвилась Эверетт. — Ведь вы знаете как я отношусь к вашему предложению! Роббинс был готов испепелить Великовски.

– Они настоящие! Из плоти и крови! Я видел их, прикасался к

ним! Он едва не добавил: «И убил четверых…» — Их можно обидеть, они точно так же, как мы, испытывают боль. Мы не имеем права становиться богами!

– Призываю всех к порядку! — повысила голос директор. — Начнем обсуждение. Вы с доктором Великовски изложили свои позиции. Есть иные мнения?

Перебранка возобновилась. На сей раз схлестнулись Антония с Литом и Шимурой. При каждом упоминании Шелли и Ван-Гога Антония твердила:

– Сколько же миллиардов людей должны погибнуть, чтобы появилось несколько новых стихотворений и полотен?!

Биллингсли помалкивал, теребя новый галстук-бабочку. Дав спорящим выговориться, директор спросила:

– Кто выступает в поддержку предложения доктора Великовски?

– Поддержать! — хором ответили Литтон и Шимура.

– Кто за?

Великовски, Литтон и Шимура подняли руки.

– Против?

Первым вскинул руку Роббинс, его примеру последовала Антония. Потом лениво поднял руку Биллингсли.

– Заносим в протокол, что предложение доктора Великовски получило три голоса «за» и три «против». Значит, решение — за мной. Учитывая положительные рекомендации исполнительного и научного советов, я склонна выступить в поддержку предложения. Занесите в протокол…

– Стыдитесь! — Антония побагровела. — Хотите продолжать корчить из себя богов и играть с человеческими жизнями? Я вас презираю и не желаю принимать в этом участие. — Она вскочила. — Я ухожу из института. Прощайте! — Она взглянула на Роббинса и в ярости крикнула: — Все ты, со своей проклятой музыкой!

– Вот это женщина! — внезапно молвил Биллингсли, провожая Антонию взглядом и медленно поднимаясь. — Я молчал до голосования, потому что все и так определились. Но теперь скажу. Человек может долго уступать давлению, но всему есть предел. Я тоже заявляю об отставке. — Он направился к двери. — Ничего не поделаешь. Я думал, что мы действуем по совести, что мы и есть Земля номер один. А получается, что мы только третий номер. Троечники берутся вторично отсидеть двадцатый век…

Роббинс никогда не видел, чтобы директор института краснела. Придя в себя, она спросила:

– Вопросы? Заседание закрыто.

Участники разошлись. Роббинс остался сидеть, предавшись воспоминаниям и сожалениям. В его голове тихо звучало завершающее адажио из симфонии Гайдна «Прощальная». Каждый инструмент исполнял свое отдельное «auf Wiedersehen» и стихал. Точно так же все, на что он надеялся в жизни, все, что любил, что имело в его жизни смысл, прекращало существование. Когда отзвучали где-то в отдалении в тоскливом фа-диезе две последние скрипки, он тоже удалился.

Дома он почувствовал себя лучше. Харрисон прислал ему записку с рекомендацией хорошо выспаться перед намеченной на утро «операцией» — ввести Бетховену блокирующий состав. Он уселся за рояль и, морщась от боли в спине, заиграл. Однако пальцы сами стали воспроизводить вещи, от которых на душу опять легла тень: третью часть Сонаты №2 си-бемоль минор Шопена, «Вариации» фа минор Гайдна. Когда отзвучали вопросительные завершающие аккорды из коды последнего произведения, кто-то позвонил в дверь. Моля Бога, чтобы это была Антония, он открыл дверь и увидел Эверетт.

– Можно войти?

Она уселась на диван, он устроился рядом.

– Хороший инструмент!

– Да, мне повезло.

Эверетт грустно посмотрела на него.

– У вас невеселый вид.

– Если я перенесусь на ТКЗ и исправлю причиненный вред, то Веховски и остальные превратят тамошних обитателей в морских свинок для своих экспериментов.

Разве он сам не занимался тем же самым? Нет! Он пытался подарить миру шедевры… Вот и объясни это тем, кого ты убил…

– А если у меня ничего не получится, то на моей совести останется бель миллиардов людей! В любом случае виноват буду я.

– Неправда. Моя вина больше вашей. Я могла бы в любой момент наложить вето. Но вам хотелось музыки, а мне — доказать, что мы можем менять историю ТКЗ, не меняя нашей. Мы оба добились желаемого. но получили совсем не то, что ожидали. — Она придвинулась к нему. — Вы сумели понять мой доклад о ТКЗ, который я разослала три недели назад?

В ответ он закатил глаза.

– Ясно. Конечно, до Азимова мне далеко, но попытаюсь… Главное, что необходимо уяснить: любой момент сопряжен с выбором. Даже на мельчайшем уровне радиоактивный атом выбирает, распадаться ему или нет. Вставая утром, вы выбираете,

как вам причесать волосы — слева направо или наоборот. Настоящее представляет собой сумму определенных решений, продиктованных выбором, сделанным в прошлом. В техническом отношении выбор почти всегда тривиален, ибо сам по себе не ведет к какому-либо существенному отклонению в истории Вселенной. Изменения касаются одного-единственного атома или, на макроуровне, крохотной части космоса. Но порой разница приобретает критический штаб.

Семнадцатого сентября 1666 года кто-то (или что-то) сделал выбор, который был признан — Богом или природой — столь существенным, Вселенная расщепилась на две ветви. На одной ветви опять был произведен некий выбор, и произошло событие, которого не случилось на второй. Девятого ноября 1998 года случилось то же самое ввиду другого выбора. То, что мы воспринимаем как «реальный мир», — всего лишь одна из двух ветвей Вселенной. Так называемая ТКЗ — это дискретная линия времени, «история» между 1666 и 1998 годом.

Если вас интересует, что конкретно приводило в указанные сроки к расщеплению Вселенной, то мне бы тоже очень хотелось это узнать. Впрочем, у меня есть кое-какие догадки. Во второй половине XVII века Исаак Ньютон — вы наверняка о нем слышали — сделал свои важнейшие открытия. — Она грустно улыбнулась. — Миф мифом, но, возможно, в другой Вселенной яблоко решило не падать…

Что касается 1998 года… Пока что я ни с кем не делилась своей догадкой. Все и так обвиняют меня в мании величия. В тот день я находилась в школьной библиотеке, искала там детскую книжку — «Маленькие женщины» Олкотт, но, оказавшись не в той секции, наткнулась на «Лекции Фейнмана по физике». — Ее взгляд сделался печальным. — Возможно, в другой Вселенной транскосмологии вообще не существует. Возможно, там я — пожилая учительница английской литературы, которая без ума от своих внучек. — Она вздохнула. — Мы не можем перенестись в иные Вселенные или в прошлое нашей ветви с 1998 года до наших дней. Возможно, такой шанс когда-нибудь представится, если существуют стабильные червоточины, в которые я не верю. С другой стороны, совсем нетрудно сложить пространственное время для путешествия на ТКЗ, которая по отношению к нашей ветви пребывает в нулевом энергетическом состоянии. Это все равно что временно восстановить пуповину, связывающую младенца и его мать. Мы применяем…

Заметив отсутствующее выражение на его лице, она что-то невнятно пробормотала, а потом сказала:

– Впрочем, неважно. Вам не обязательно знать, как это

работает. Главное — понимать свою задачу. Она приблизила свое лицо к его.

– У меня есть план. Замечу: весьма опасный. Может статься, он вообще не сработает. Но это единственный способ навести порядок — на ТКЗ и здесь.

Роббинс широко открыл глаза.

– Каким же образом?

– Как я уже говорила, путешествия в прошлое нашей собственной ветви и внесение изменений в историю невозможны. Однако при помощи ТКЗ мы могли бы добиться той же цели косвенным, так сказать, способом. — Она улыбнулась. — Сама идея не слишком оригинальна. Я впервые вычитала ее в фантастическом рассказе, когда была студенткой колледжа.

– Фантастика?

Эверетт бросила на него вопросительный взгляд, взяла с рояля ноты и стала что-то записывать на обратной стороне листа.

– Вот что вам следует сделать…

Слушая ее, Роббинс все шире раскрывал глаза.

– Кажется, вы упоминали об опасности?

– Поверьте, я бы тоже хотела, чтобы существовал иной способ. — Она подала ему ноты. — Сделаете?

Роббинс взглянул на инструкции, потом перевернул ноты. Это была соната Бетховена ми-бемоль мажор, опус 81а. Он пролистал ноты, вспоминая французские подзаголовки, присвоенные композитором трем частям: «Прощание», «Отсутствие» и «Возвращение». Он еще раз перечитал записи Эверетт.

– Итак, доктор Роббинс? Выбор за вами. Он вздохнул.

– Если это единственный способ все исправить, то я готов.

С сильным ощущением «дежа вю» Роббинс вошел в переходную камеру, переодевшись в костюм для ночных операций. Его провожали Майлс, Эверетт и Харрисон — как в тот раз, когда он отправлялся помешать Эртманн ввести Бетховену тот самый препарат, которым он вооружился теперь.

Харрисон подал ему инжектор.

– Я заправил его блокиратором вакцины. Вводится так же, как вакцина. Майлс сказал от своего пульта:

– Переход задействован и стабилен. Пространственные координаты те же, как когда доктор Роббинс транслоцировался для введения вакцины. Координаты времени выставлены на двадцать одну минуту после его возвращения с той транслокации.

– Позвольте мне проверить. — Отодвинув Майлса, Эверетт внимательно исследовала панель управления.

Роббинс подошел с инжектором в руке к отверстию Перехода и остановился. Он уповал на то, что Эверетт знает, что делает. Эверетт нажала несколько кнопок. Майлс нахмурился.

– Простите, доктор Эверетт, но зачем вы поменяли…

– Доктор Роббинс, — проговорила она, нарочито игнорируя Майлза — вы помните, что я вам говорила?

– Помню.

– В таком случае, в добрый путь!

Оказавшись в кромешной тьме Перехода, Роббинс еще раз мысленно повторил инструкции Эверетт. Он очень надеялся, что ничего не испортит. Впрочем, он был готов на смерть, лишь бы предотвратить катастрофу. Последняя его мысль перед прибытием была о том, что, как утверждала Эверетт, ТКЗ можно использовать для подачи предупредительного сигнала в собственное прошлое…

Его мысли были прерваны прибытием на место. В ноздри ударил целый букет неприятных запахов. В темноте автоматически включились инфракрасные очки.

Он находился у Бетховена в кухне. В стене чернел полный золы очаг. Громоздились столы, открытые полки с посудой и кухонной утварью. На одном из столов лежал зловещего вида нож. В углу пылился щербатый рояль. Роббинс усмехнулся нелепости этого зрелища.

Он медленно вошел, стараясь не натыкаться на стоящие в беспорядке пюпитры и стулья.

– Стой!

Роббинс в ужасе замер и опасливо повернул голову в ту сторону, откуда раздался голос. Благодаря инфракрасным очкам он разглядел чей-то силуэт. Человек был одного с ним роста, в таком же, как у него, черном костюме.

– Не входи в спальню, — предостерег незнакомец.

– Кто вы такой? — прошептал Роббинс. — Что вы здесь делаете? Человек подошел ближе и снял очки и капюшон. Роббинс заморгал, не в силах понять происходящее.

На Роббинса смотрели собственные глаза. Человек опять надел очки.

– Молчи и слушай.

Роббинс кивнул, и незнакомец заговорил. Многие его инструкции казались лишенными смысла, но он заверил Роббинса, что со временем тот все поймет. Услышав о причинах, из-за которых ему следовало исполнить все в точности, Роббинс с трудом устоял на ногах.

Он не запротестовал, а подчинился, когда незнакомец попросил впрыснуть препарат ему в правую руку.

– Пусть думают, что ты сделал укол самому Бетховену. Нельзя же тебе возвратиться с целым инжектором, — произнес незнакомец, морщась и опуская рукав. — Если все пройдет нормально, я не пострадаю. А ты пробыл здесь достаточно, пора обратно.

– Ты вернешься со мной? — спросил Роббинс.

– Нет. Если Эверетт права и все получится, я не смогу вернуться. Да, кстати… — Незнакомец подошел к роялю Бетховена и улыбнулся. — Слушай внимательно!

– Ты разочарован, что ничего не вышло?

– Переживу.

Антония сидела рядом с Роббинсом на диване в его квартире. Они слушали музыку. Она жмурилась и улыбалась, позволяя волшебным звукам симфонии обволакивать их.

Обняв Антонию и прижав ее к себе, Роббинс тоже закрыл глаза. Он все еще пытался разобраться во всем, что произошло за три дня, истекшие с момента одобрения гуманитарным комитетом его предложения, особенно после его перемещения на ТКЗ для введения вакцины Бетховену.

Следуя инструкциям человека в доме Бетховена, он сразу же после возвращения на Землю нашел Эртманн. Собственно, искать ее не пришлось: она по-прежнему сидела на стуле в переходной камере в обществе Харрисона и Майлса, как перед его перемещением на ТКЗ с вакциной. Увидев его, Эртманн, не дав ему открыть рта, призналась, что уже побывала там и ввела Бетховену препарат, блокирующий действие вакцины. По предложению Роббинса вызвали Эверетт, которой задали вопрос о дальнейших действиях. Та бросила на него подозрительный взгляд, словно собираясь напомнить, что это по ее предложению он отправится на ТКЗ для «ранней» встречи с Эртманн. Однако она согласилась, что необходимо поступить именно так.

Оказавшись в который уже раз в доме Бетховена, он дождался Эртманн, убедил ее довериться ему, назвавшись ее союзником, и объяснил, как надо поступить. Напоследок он взял с нее слово, что, возвратившись, она не наложит на себя руки.

Вернувшись на Землю, он переоделся и перенесся в Вену 1827 года. Тамошние газеты сообщали о смерти Бетховена днем раньше, чего и следовало ожидать, коль скоро он не вводил композитору вакцины. Он снова вернулся домой — несолоно хлебавши.

Труднее всего было обмануть накануне участников специального заседания гуманитарного комитета, заявив, что он сделал все ради продления жизни Бетховена. Все с удивлением

встретили его решение снять свое предложение. Он объяснил, что передумал из опасения катастрофических последствий для ТКЗ и их собственного мира. Для пущей достоверности он воспользовался сюжетными линиями из рассказов, полученных от Биллингсли, а также примером, который привел ему ветреченный в доме Бетховена «незнакомец».

Предложение отказаться от проекта было одобрено четырьмя голосами против двух. Против высказались Литтон и Шимура, расстроенные тем, что «горят» их проекты. Роббинс сомневался, правильно ли поступил, послушавшись человека, назвавшего себя «Роббинсом в будущем». С другой стороны, если не доверять самому себе, то кому же тогда доверять?

Эртманн откликнулась на просьбу и нанесла ему визит. Он уговорил ее никому не рассказывать о «заговоре». Если кто-то узнает об истинных событиях, опасные попытки будут повторены, чего оба никак не хотели. Дороти поблагодарила его за все, особенно за то, как он помог Харрисону убедить исполнительный комитет не увольнять ее из института. Обняв его и чмокнув в щеку, она убежала.

Вспоминая это прощание, Роббинс ловил себя на чувствах, которые нельзя назвать платоническими. Увы, он для нее староват. К тому же у него есть возлюбленная…

Симфония приближалась к своему громоподобному, взрывному апофеозу. Антония крепко прижалась к нему.

– Какая красота! — мечтательно прошептала она. — Сколько экстаза, жизни, торжества!

– Да, — согласился он. — Но ты все равно заманчивей.

Их губы слились, и он забылся в поцелуе. Музыка ненадолго стихла, а потом сменилась иной мелодией — могучим, торжествующим, воинственным до мажором. Той самой, которую наиграл на рояле в кухне Бетховена незнакомый человек… Роббинс очень сожалел, что так и не узнал, что это такое.

Антония нежно прошептала ему в ухо:

– Не надо расстраиваться из-за того, что ты не добыл новой музыки. Вспомни: «Звучащие мелодии прекрасны, беззвучные прекраснее стократ…»

Ее грудь скользнула по его рубашке, во взгляде появилась робость. Он очень давно не видел в ее глазах такого выражения, но помнил, что оно означает. Он глянул через ее плечо на бюст Бетховена на рояле. На гипсовых губах гения играла одобрительная улыбка.

В комнате звучал могучий оркестр. Последовало искрометное восходящее глиссандо и заключительные аккорды фортиссимо

последней симфонии Бетховена.

То была полная радости Девятая симфония ре минор.

Перевел с английского
Аркадий КАБАЛКИН